

Евгений Еснин

Змеиная Ночь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Еснин

Змеиная ночь

«Автор»

2026

Еснин Е.

Змеиная ночь / Е. Еснин — «Автор», 2026

На южный прибрежный город опустилась душная летняя ночь. В темноте этой ночи одни люди убивают других. Адепты солнечного бога истребляют тех, кого считают поклонниками змия. Аяра Боргес и её маленький сын пытаются спастись от кровавой расправы. Укрывшись в неприметной гостинице, они надеются переждать в ней эту страшную ночь. Но ночь приходит за ними. Столкнувшись с жестокими воинами храма и безжалостными жрецами бога солнца, Аяра готовится погибнуть в жутком ритуале «очищения» и её последняя надежда умиловит мольбами жрецов, чтобы они пощадили её сына. Но в самом сердце древнего гигантского храма её судьба переплетется с судьбами незнакомых людей, закружив её в хороводе стремительных событий. Обретя неожиданных союзников и смертельных врагов, приняв ответственность за чужого ребёнка, Аяре придется пройти через эту ночь до конца, чтобы спасти детей и вырваться из обезумевшего, залитого кровью, измученного города.

© Еснин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	9
4	12
5	14
6	21
7	27
8	35
9	38
10	45
11	52
12	57
13	60
14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Евгений Еснин

Змеиная ночь

1

Город окутала тьма. Душная, непроглядная летняя ночь накрыла древний Тилл, не принеся с собой ни прохлады, ни облегчения после дневного зноя.

В комнате царил мрак. Лишь отсветы едва живого огня в камине хоть как-то противостояли темноте. В кресле, выпрямив спину и сложив руки на коленях, сидела светло-русая молодая женщина, у зашторенного окна стоял мальчик шести—семи лет. Ребенок, осторожно отодвигая штору, выглядывал в окно. Откуда-то с улицы слышались крики, топот, звон разбиваемого стекла и треск.

— Мам, зачем они это делают? — спросил мальчик.

— Саотре, отойди от окна, — стараясь говорить спокойно, произнесла женщина.

Ребенок продолжал смотреть. Не из вредности, но завороченный тем пугающим действием, что совершалось в ночи. Одни люди ловили и убивали других людей. И душа его, не в силах уразуметь причин этих жутких поступков, сжималась в комочек и застывала, пока он подсматривал в щёлку на непостижимый для него разгул страстей человеческих.

Аяра Талвин Боргес, неотрывно глядя на тлеющее пламя, не обратила внимание на непослушание сына. Её ребенок и она сама находились в смертельной опасности, и все остальное сейчас отступило на второй план. Кровожадная гвардия Святой Кадолы, руководимая жрецами-фанатиками, рыскала по всему городу, вылавливая еретиков и богохульников. На роль еретиков и богохульников в этот раз были выбраны единоверцы Аяры — люди, молившиеся богу Манну, самой известной ипостасью которого был Алмазный дракон Солки.

Когда-то Тилл называли городом бродяг, сюда приходили странники из самых разных мест и оседали здесь, благословляя благотворный климат, плодородные почвы и щедрое море. В этом древнем городе образовалась удивительная смесь из нескольких культур и религий, и его жители в течение многих веков находили в себе достаточно разума, благородства и терпения, чтобы мирно сосуществовать вместе, извлекая из этого пользу и достаток. Но теперь настало время жадных жрецов солнечного Ра-Адона.

Аяра сжала ладони в кулаки. Это было невыносимо. Их загоняли и истребляли как зверей. Прежде чем она и сын добрались до гостиницы «Бархатный сон», они увидели достаточно ужасов, творимых человеческими существами во имя доброго и милосердного божества. Это было настолько отвратительно, чудовищно и несправедливо, что душа молодой женщины каменила при мысли, что все это происходит на самом деле. Она помнила, как её отец часто повторял слова о том, что в мире, в природе нет никакой справедливости, что она с начала и до конца выдумана человеком, и потому единственная справедливость, которая может случиться в этом мире, — это та, которую человек создаст сам. Аяра поежилась, сейчас эта мысль покорила её. По всему Тиллу безжалостно убивали маннаев, «людей Манна», а по словам отца выходило, что в этом нет никакой несправедливости. Просто сильные пожирают слабых. О да, почитатели Ра-Адона теперь были в силе. Они обрели власть, настолько неоспоримую, что даже король Рунады, могучий Элджин Комвин, уступил им, приказав своим войскам под командованием стратега Хакто покинуть город и разместиться за его пределами, окончательно развязав руки жрецам солнечного бога и по существу молчаливо одоблив устроенную ими резню.

У Аяры замирало сердце, когда она вспоминала, как они с сыном едва избежали смерти. Лумис Милин, их сосед, сказал им, что дома маннаев были помечены специальными знаками

и эти дома будут обыскивать в первую очередь в поисках неверных, чтобы привести еретиков к «святому очищению», под которым, как выяснилось, подразумевались пытки, надругательства и убийства. В самый последний момент вместе с Лумисом они перебрались в гостиницу. Здесь было гораздо безопаснее, но лишь до поры до времени. Неизвестно, что предпримет храмовая гвардия после того как перевернет все помеченные дома. Глаза Аяры заблестели. Скорее всего, эти сволочи не успокоятся, так как для них, к великому несчастью единоверцев Аяры, не составляло большого труда определить манная, ибо каждый из них имел на тыльной стороне своей шеи знак Алмазного дракона — «инфину», символ Великой бесконечности, маленькую татуировку в виде двух замкнутых колец. Необходимо было решать: либо оставаться в городе, надеясь, что тебя не найдут, либо пытаться как-то выбраться из него. Однако последнее представлялось маловероятным. На суше город окружали войска стратига Хакто, а что касается водного пути, то тут ходили пугающие слухи, что жрецам Ра-Адона удалось заручиться поддержкой Морского народа.

Эта безвыходность разрывала на части душу молодой женщины. Лумис ушел около часа назад, по его словам, чтобы найти какой-то способ покинуть город, но Аяра почти не надеялась на это. Ведь если он и найдет такой способ, с какой стати ему рисковать жизнью еще раз и возвращаться назад в гостиницу за чужими для него людьми. Она подумала о своём муже, Риане Боргесе, уплывшем два дня назад на своей лучшей шхуне в Галсонию. Как же Саотре упрашивал её тогда разрешить ему плыть вместе с отцом, а она, раздраженная его недавними шалостями и своеволием, решила проявить строгость и непреклонность и примерно наказать его. Она запретила сыну покидать дом, а когда Риан попытался уговорить её передумать, она сурово отчитала и его, заявив, что он, её любезный супруг, слишком уж много воли дал своему первенцу, который всё более и более превращается в дерзкого, нахального, своенравного шалопая и сорванца. Муж не стал с ней спорить и принял её решение. И она была так безмерна довольна собой, своей решимостью и выдержкой, тем что сумела настоять на своём, проявить твердость характера. Господи, какая же она была дура! Сейчас она отдала бы всё на свете, чтобы её мальчик вместе со своим отцом плыл бы по синему морю в благословенную прекрасную Галсонию, подальше от этого обезумевшего города.

Остаться в гостинице или все же уйти? Прорываться через кордоны королевских солдат или попытать удачу на морских просторах? Как же эти вояки могли опуститься до этого?! Если бы ей выпал такой шанс, она бы не раздумывая плюнула в глаза этому храброму стратигу Хакто. Никакие стены не окружали Тилл, но покидать город было запрещено под страхом смерти для всех. Королевские лучники и мечники получили приказ убивать всех без разбору — любого, кто пытается выбраться из города, ибо, конечно, добропорядочные граждане не станут этого делать, а маннаи объявлены вне закона, ибо повинны в злоумышлении против короля и короны, в богохульстве и порицании великого Ра-Адона, в черном колдовстве и растлении людских душ еретическими идеями, а также в фальшивомонетничестве, воровстве детей и коней, разграблении могил и проведении мерзких оргий и ритуалов.

Когда Аяра читала эти обвинения на листах, расклеенных по всему городу, ей казалось, что все это дурной сон. Разве может столько людей одновременно сойти с ума? А с ума сошли многие: и обезумевшие от полной безнаказанности воины храмовой гвардии, и жадные жрецы солнечного бога, алчно присваивавшие себе имущество всех истребленных ими неверных, и обычные люди, которые вдруг охотно поверили этим гнусным обвинениям против маннаев — вот кто, оказывается, виноват во всех их бедах, славясь великий Ра-Адон и его служители, открывшие людям правду. Эту ночь уже прозвали «змеиной», ибо гордые адонаи — приверженцы всемогущего солнечного бога — считали Солки громадным, осклизлым, коварным и подлым змием, а всех его адептов, соответственно, омерзительными хладными гадами, в которых нет ничего человеческого. Это было так противно и ужасно, что у молодой женщины начинали дрожать руки, когда она думала об этом.

Но впрочем, как и многие в Тилле, она прекрасно понимала, что дело не только и, наверно, не столько в святотатстве и ереси гнусных маннаев, сколько в том, что последние приобретали всё больший политический вес и в самом Тилле, и во всех южных провинциях королевства. Святилища Манна стояли уже чуть ли не в каждой городке и деревне юга, всё больше становилось писарей, торговцев, мелких и крупных чиновников и даже вельмож, носивших на своей шее «инфину», всё многочисленнее и влиятельнее делались банкирские дома и торговые союзы, принадлежавшие маннаям, и главное — архонт Джеймира, мастер Джи, — первый священник мудрого Манна — стал настолько всесилен, амбициозен и богат, что кое-кто всерьез полагал, что он вскоре объявит три основные провинции юга страны своей вотчиной, личным доминионом и выйдет из состава Рунады. Сама Аяра в это не верила, но не сомневалась, что вся эта «Змеиная ночь» направлена в первую очередь против Джеймира и его сторонников. Хотя при этом самого архонта, насколько ей было известно, в городе сейчас не было. Но видимо, для верховных кукловодов, безжалостных творцов «Змеиной ночи», это было не так уж важно. Они, кажется, собрались истребить маннаев всех до единого, извести на корню весь народ Манна, не утруждая себя разбирательствами, кто их вожди и предводители и где они находятся. А тех немногих, кому удастся пережить эту ночь, можно будет потом без спешки и суеты, не привлекая ничьего внимания, выловить и уничтожить поодиночке.

Аяру начинало трясти от осознания полной безнаказанности, вседозволенности, произвола и беззакония адонаев и собственного бессилия и бесправия. Ей до жути хотелось немедленного возмездия, наказания для них, грозной ослепительной кары, беспощадного отмщения за всех своих братьев и сестер по вере, замученных и убитых в темноте этой ночи. И у неё, казалось, начинало ломить в голове, когда она отчетливо понимала, что отец был прав: нет никакой справедливости в мире и природе, и не будет никакого, даже самого ничтожного возмездия и отмщения этим злобным и подлым адонаям. Никакого.

Но как только эти тяжелые мысли затопляли её разум, она сразу же старалась взять себя в руки. Ей нужно оставаться спокойной и хладнокровной, чтобы спасти сына и выбраться из этого проклятого всеми богами города. Она готова сражаться за своего сына, но что она сможет противопоставить в открытой схватке доблестным широкоплечим, укрытым пластинами лат гвардейцам, вооруженным широкими мечами, длинными копьями и тяжелыми арбалетами? Нет, надо просто исчезнуть. Знака Солки на шее Саотре еще не было: каждый принимал свою «инфину» добровольно и осознанно уже в зрелом возрасте. Ну а что касается ее собственной «Великой бесконечности», то тут она подумала о вещах, которые она успела прихватить из дома, скидав их в дорожную сумку.

2

Лумис, завернувшись в плащ, пробирался по темному переулку, замирая при каждом подозрительном шуме. В ножнах на поясе за спиной у него был старый охотничий нож, и иногда он касался его рукояти, словно пытаясь лишний раз утвердиться в решимости сделать то, что задумал. Но в любом случае обратного пути уже нет. Решимость была нужна, когда он собирался войти в клетку с больным зверем. Сейчас же надо просто все довести до конца. Его слегка знобило, приступы острой головной боли стали более частыми. Он потел, слышал какой-то глухой шум в ушах, а порой его взор затуманивался, и ему приходилось останавливаться, чтобы перевести дух и проморгаться. В горле постоянно першило, язык казался распухшим и неуклюжим. Нужно было спешить. И он снова корил себя за то, что потратил столько времени, помогая своим соседям, молодой женщине и её маленькому сыну, выбраться из Бирюзового квартала — юго-западной части города, где преимущественно жили одни только маннаи. Ему не стоило этого делать, ибо его цель несравненно важнее жизни любого из его братьев и сестер. Но он не удержался, поддался слабости, увидев, как женщина мечется с мертвенно-бледным лицом, вцепившись в руку сына, среди пожарища и разрушенного дома. Узкими тропками и малоизвестными запутанными переулками он привел их к гостинице в самой что ни на есть правоверной части города. Здесь жили всё сплошь адонаи, достопочтенные и уважаемые, — гвардейцы из храма или «желтоголовые» сюда вряд ли сунутся. Аяра и её сын будут здесь в безопасности. Но, потратив на это чуть не три часа, он теперь глубоко раскаивался в своем поступке. Ему казалось, что его конец уже близко, а он до сих пор ни на шаг не приблизился к своей цели — Вамире Онши, Верховному хранителю Гелиокона.

Лумис оттолкнулся от каменной стены очередного дома и, пошатываясь, поплелся куда-то на север.

3

На широких ступенях восточного входа Гелиокона — громадного круглого храма в центре Тилла, главного святилища верховного божества, Великого Ра-Адона, — стояло около двух десятков человек. Жрецы и служки храма, а также воины Святой Кадолы вместе со своим внушительным и безжалостным командиром, капитаном Далуфом. Храмовые служители были облачены в белоснежные одеяния. Головы старших жрецов, наголо выбритые и покрытые тонким слоем золотистой краски от макушки до шеи, сверкали в ярком мятущемся пламени свечей-чаш и факелов. Кроме того, ткани их одежд украшала искусная вышивка, изображающая геометрические узоры и серебряные стрелы. Необычайно расширенные зрачки жрецов придавали им и без того нечеловеческим золотым лицам еще более пронзительный и устрашающий вид. Рядовые служители храма, державшие в руках факелы, носили простые красные туники без всякой вышивки. На их коже не было никакой краски, и их зрачки выглядели нормальными. Но все они были преисполнены собственной значимости и важности той миссии, что на них возложили. Угрюмые воины храмовой гвардии, облаченные в форменные красные кафтаны, черные кожаные штаны и черные плащи, а также в закрашенные черной краской, скрепленные ремнями латы, украшенные золотыми узорами, стояли чуть в стороне, ближе к огромной повозке, на которой располагалась железная клетка. В ней томились пойманные маннаи.

Выше всех на ступенях стоял высокий худой человек с диким черным взглядом. Он единственный имел на своей мантии картину пылающего восходящего солнца, а над переносицей у него горели две вертикальные черты ярко-красного цвета. Это был Катаон Ямнус — «патер», «отец», жрец касты «беседующих с ветрами», главный помощник Великого хранителя Гелиокона, второй человек в жреческой иерархии в Тилле.

Перед ним, на две ступени ниже, стоял капитан Далуф. Огромный темноволосый мужчина с безжизненным лицом и усталыми глазами.

— Только одиннадцать, — проговорил Катаон Ямнус.

Недовольство в его голосе было едва уловимо. Но капитан уловил — всегда улавливал.

— Маннаи не бесконечны, — проворчал он.

Жрец пристально поглядел на него, и Далуф несколько подправил свой ответ:

— Благодарение Всемогущему Творцу, число отвратительных грешников в нашем городе неумолимо снижается, патер.

— Рад это слышать, — отозвался жрец. — Рад это слышать... Однако, сейчас не время ослаблять хватку, Далуф. Завтра утром, когда Тилл озарит божественный свет нашего небесного повелителя, в городе не должно остаться никакой скверны и ереси. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — ответил капитан. — Мы приложим все усилия к этому.

— Уж постарайтесь. Тебе должно быть ясно, что сегодня необычная ночь. Много обстоятельств сложилось удачно для нас сегодня, и мы должны использовать выпавший нам шанс со всей возможной пользой.

Капитан провел языком по зубам под верхней губой и сглотнул слюну. Он не до конца понимал, что подразумевает косноязычный жрец под удачными обстоятельствами. Расположение звезд и планет, новорожденную Луну, молчаливое одобрение монарха и отход из города королевских войск, недавно прибывший корабль с грузом южных наркотиков, поддержку жителей-адонаев или что-то еще. Но, честно говоря, ему и не хотелось до конца понимать. Так спокойней. Все, что его волновало, — это быть на стороне победителей. И та ставка, которую он сделал восемь лет назад на жрецов Ра-Адона, вступив в гвардию Святой Кадолы, оказалась вполне выигрышной. Вполне. Нельзя сказать, чтобы капитан был слишком религиозным

и богобоязненным человеком, но тем не менее он отлично знал, что жрецы высшего ранга способны на вещи, которые не под силу простым смертным, и это вселяло в него если не страх, то, по крайней мере, уважение к непонятным для него силам, а также веру, что все-таки властелин неба и земли покровительствует служителям солнечного бога, а значит, и ему тоже.

— Некоторых маннаев не удалось взять живыми, — сказал Далуф то ли как оправдание себе, то ли как похвалу. Он и сам не был до конца уверен.

Черные глаза «беседующего с ветром» посмотрели на капитана с каким-то непонятным для того выражением.

— Ты же знаешь, что это нехорошо, — проговорил жрец. В другой раз это «нехорошо» насмешило бы Далуфа, но сейчас ему было не до смеха. — Каждый грешник должен получить свой шанс на обряд очищения.

— Они погибли в схватке. У них было оружие. У нас не было другого выхода. — Капитан попробовал сменить тему. — Нам снова попался один из «невесомых», и перед смертью он с яростью говорил о том, что магистра ждет смерть, что они уже идут за его жизнью.

— Капитан, ты же взрослый человек, образованный, умеешь читать, писать. Неужели ты веришь в эти бабушкины сказки? Про «невесомых», про то, что они ходят по ветвям и траве, не сгибая их?

— Это не вопрос веры, патер, это вопрос рассудительности. Я вполне допускаю, что среди маннаев есть тайное общество, которое под покровом ночи справляет свои нечестивые дикарские ритуалы. И эти люди вполне вероятно верят, что они обладают неким секретным знанием, и они достаточно преступны и неразумны, чтобы попытаться напасть на магистра.

— И ты думаешь, у них есть реальный шанс причинить магистру вред?

— О, нет, нет, — поспешил возразить капитан, дабы не быть уличенным в сомнении в могуществе Верховного хранителя Гелиокона. — Именно поэтому я и не придал особого значения словам этого пустомели и передаю их вам только для полноты отчета.

— Похвально, капитан, что вы столь педантичны в исполнении своих обязанностей. А с чего вы взяли, что он «невесомый»?

Далуф прокашлялся.

— Ну, говорят, что они носят черную ленточку на шее, и у этого была такая. И должен заметить, что справиться с ним было непросто. Он был без оружия, но тем не менее двое моих гвардейцев погибли прежде, чем мы обуздали его.

— Двое? — Золотые брови жреца чуть приподнялись.

— Именно так.

— Это скверно, капитан. Вы не должны терять своих людей.

Далуф посмотрел жрецу прямо в глаза.

— Мне нравится это не больше, чем тебе, патер. Но сегодня ночью мы на войне. И я думаю, ты понимаешь, что потери неизбежны.

Катаон Ямнус поглядел на стоявших в стороне гвардейцев.

— Я понимаю, — негромко сказал он, — но, видимо, такова цена очищения нашего города. Тем не менее, если вы еще раз столкнетесь с человеком с черной ленточкой на шее, я бы хотел, чтобы он попал сюда, в храм, живым. Это ясно, капитан?

— Ясно.

— А что насчет колдуна?

Капитан пожал равнодушно плечами.

— Мы ничего не узнали. Те имена, что вы нам дали, никому неизвестны или, по крайней мере, никто не захотел признаться в том, что слышал их. А приметы, вы должны признать, слишком скудны, чтобы можно было надежно опираться на них. Высокий худой старик с большими глазами, который ковыряет свои ногти, когда задумается... Согласитесь, это непросто.

— Ладно, — на этот раз с вполне явным недовольством сказал Катаон. — Но тем не менее приложите все усилия к поиску этого человека, даже несмотря на то, что приметы столь невыразительны. Если вы схватите лишних людей, в этом не будет ничего страшного. Заговорите с ним, и, я думаю, вы поймете, с кем вы имеете дело. Колдун умен, высокомерен и насмешлив.

— Я сделаю все, что в моих силах, патер.

— Приведите маннаев в Дом Голубого Солнца. Что с имуществом?

Естественно, Далуф ни секунды не сомневался, о чем имуществе идет речь.

— Все, что удалось собрать за этот рейд, мы уже отогнали ко входу в запасник.

— Прекрасно. Отведите маннаев и возвращайтесь на улицы.

4

В большой каменной комнате царила ночная тьма. Здесь не было ни одного источника света, не считая двух высоких окон, куда проникали слабые отсветы от факелов и чаш-свечильников на улице. Возле окон стоял мужчина в белоснежной мантии. От макушки головы до основания шеи он был покрыт золотой краской.

Катаон Ямнус, обутый в изящные кожаные сандалии с мягкой, но прочной подошвой, бесшумно вошел в помещение. Он почтительно замер в пяти метрах от высокого человека, стоявшего к нему спиной. «Беседующий с ветром», благодаря своим расширенным зрачкам, хорошо видел в окружающей его темноте. Впрочем, белизна одежд и позолота делали Верховного хранителя заметным и для обычного человека.

— Прибыла новая партия, магистр, — произнес Катаон Ямнус.

— Одиннадцать, — тихо проговорил главный жрец Тилла.

«Беседующий с ветрами» как всегда ощутил легкий приступ раздражения. Он был на более низкой ступени жреческой иерархии и потому не обладал знаниями, доступными только для касты «Видящих истину». Но досаду у него вызывало не то, что от него были скрыты какие-то секреты могущества, а то, что он даже не мог до конца понять, на что способен Верховный хранитель, а на что — нет. Откуда он узнал, что маннаев в этой партии одиннадцать человек? Прочитал его, Катаона, мысли? Или у него такой невероятный слух, что он слышал слова капитана, сказанные у восточных врат храма? Или магистр мог освобождать свое астральное тело для мгновенного перемещения в пространстве? Или кто-то подслушал разговор Катаона с капитаном и уже передал его Вамире? Патер не знал. Но так или иначе, в присутствии своего непосредственного начальника, он вел себя почтительно и осторожно, стараясь быть аккуратным не только в словах, но и в мыслях тоже.

Вамира Онши повернулся к своему помощнику.

— Тени сгущаются, Катаон, — сказал он.

«Беседующий с ветрами» вспомнил, что «невесомые» называют себя ситаи — «люди тени». Конечно же, жрецы Ра-Адона знали о существовании тайной секты среди маннаев, но прилагали все усилия к тому, чтобы препятствовать распространению слухов о ней среди жителей Тилла, стараясь все сводить к тому, что это глупые побасенки и нелепые рассказы самых темных и неграмотных членов общества. Но сейчас Катаон подумал, уж не о ситаих ли говорит его начальник.

— Завтра не будет рассвета, — добавил Верховный хранитель.

Катаон молча ждал продолжения, не зная, как относиться к этим словам.

— Как ситуация в городе? — спросил наконец Вамира Онши.

— Пять отрядов нашей гвардии продолжают свою работу по искоренению богомерзких маннаев и их приспешников, магистр. Последнюю партию грешников доставил капитан Далуф.

— Искоренению? — задумчиво проговорил Верховный хранитель.

— Выявлению, — поспешил поправиться Катаон Ямнус. — Конечно же, все они должны получить шанс на очищение. Однако некоторые, особо упорствующие, гибнут в схватках с гвардейцами.

— Заблудшие души.

— Истинно так, магистр.

— Ну а что касательно материальных сборов? — спокойно спросил Вамира. — Ты же понимаешь, Катаон, одобрение короля дорогого стоит, и в Мере от нас ждут щедрой компенсации.

— Понимаю, магистр, — ответил Катаон, чуть смутившись (впервые Вамира говорил столь прямолинейно о плате королю за сегодняшнюю ночь), — по последним данным от отца Капоша мы собрали в денежном эквиваленте около семидесяти тысяч аурсов. Но все это, конечно, приблизительно и требует уточнения.

Внезапно в комнате появился свет. В четырех железных чашах, стоявших на каменных постаментах по углам квадратного помещения, вспыхнуло яркое оранжевое пламя. В воздухе сразу же стал отчетливо ощущаться аромат хвои. Секрет этого фокуса Катаон знал. В чашах лежал так называемый «серебряный песок» — весьма горючее порошкообразное вещество, чувствительное к энергетическим уровням стихии огня. Стоило магистру сотворить Первый знак зарождения из Огненного корпуса, «серебряный песок» улавливал повышение энергетического уровня и переходил в возбужденное состояние, воспламеняясь и пылая ярко и ровно. Разница была только в том, что магистр делал этот знак без единого движения, — по крайней мере, внешне, — а Катаону нужно было изобразить знак движением левой руки с правильной концентрацией своей жизненной энергии в кончиках пальцев. И, честно сказать, Катаону пока еще не всегда удавалось воспламенить «серебряный песок». Но он упорно тренировался.

— Что насчет колдуна? — спросил Вамира Онши, пристально глядя большими черными глазами на помощника.

— Пока никаких сведений.

В комнате стало холодней. Подобные последствия происходили от горения «серебряного песка». Вблизи пламени становилось заметно теплее, как и возле обычного костра, но за некой незримой границей температура опускалась, как будто «песок» выкачивал энергию из окружающего пространства. Но Катаон знал: чтобы это похолодание стало заметным, должно пройти значительное время. Так что, возможно, почувствованный им озноб был следствием каких-то невидимых действий Верховного хранителя.

— Это очень скверно, Катаон. Этого человека нужно непременно найти.

— Приметы крайне скудны, — пробормотал «беседующий с ветром», припомнив лицо капитана Далуфа, — а полагаться на имена вообще нет смысла, ведь он может скрываться в Тилле под любым новым вымышленным именем.

Вамира Онши поглядел куда-то поверх головы своего помощника.

— Этого человека нужно обязательно найти. Он опасен. Это большая удача, что он оказался в Тилле, где он не в силах применить свои знания.

— Приметы... — начал было Катаон.

— Знаешь, я сейчас вспомнил, — перебил его Верховный хранитель, — что когда-то в Далифии его пытали «рукавами Лута». Жаль, что он тогда вообще выжил, но так или иначе, я думаю, это оставило неизгладимый след и в его душе, и на его руках.

— Я немедленно передам эти сведения нашим отрядам, — сказал Катаон и попытался сменить тему. — Далуф снова рапортовал об угрозах ситаев в ваш адрес, магистр.

— И еще он очень любит яблоки, — добавил Вамира, не обращая внимания на попытку помощника. — Особенно эти большие, мягкие, сочные из Каншина. И он чувствителен к запахам. Поэтому, говорят, у него всегда с собой есть мешочек с лепестками роз, который он подносит к носу при всяком намеке на зловоние.

Вамира опустил взгляд на помощника.

— Хорошо, Катаон, нам пора. Грешники должны получить свой шанс на очищение.

5

В шатре генерала Хакто было тепло, и нос приятно щекотал пряный запах жаренного со специями мяса. Сам генерал, широкоплечий невысокий мужчина лет пятидесяти, стоял возле жаровни и созерцательно взирал на багровые угли. Услышав шум возле входа, он обернулся и увидел, как в его шатер, отталкивая в сторону его личного секретаря, входит массивная фигура Гилоу Асвиарда, повелителя Линуэвии.

Генерал повернулся лицом к незваному гостю и крепко сцепил руки за спиной. Дальше последовала молчаливая сцена. Главнокомандующий Тиллским гарнизоном и повелитель крошечного северного государства пристально глядели друг другу в глаза, в то время как молодой секретарь, удерживая у входа двух мечников из личной охраны генерала, пытался встретиться глазами со своим начальником, дабы понять, как ему действовать дальше. Но Хакто не обращал внимания на своего помощника.

— Чем обязан? — наконец спросил он. Голос его был настолько спокоен, что секретарь решился принять самостоятельное решение и, выпроводив солдат вон из шатра, задержал тяжелую завесу и замер возле входа, наблюдая за происходящим.

— Я оторвал вас от ужина, сэвир? — поинтересовался Гилоу.

— Зачем вы явились, князь? — спросил генерал.

— Я собираюсь войти в город.

— Неужели? — В голосе генерала не было ни капли сарказма, одно лишь холодное удивление. — Вы же знаете, что это невозможно.

— Что же в этом невозможного?

— Перестаньте. Вы знаете, Его Величество приказал на сутки покинуть Тилл и никого не выпускать из города.

— Генерал, давайте будем до конца откровенными.

— Это ни к чему. Никогда не нужно быть до конца откровенным с кем-нибудь, дóмин. Разве что только наедине с самим собой.

— Любопытная точка зрения... Особенно когда где-то рядом гибнут ни в чем не повинные люди.

Генерал устало вздохнул.

— Дóмин, давайте не будем вдаваться в дебри судейства и политики, оставим это монарху, его министрам и славным жрецам Ра-Адона. Мы с вами просто солдаты, которые исполняют приказы.

— Согласен. Не будем переливать из пустого в порожнее. Я просто пришел сказать вам то, что сказал. Не хотел входить в город без вашего ведома, так сказать, у вас за спиной. Из некоторого уважения к вам хотел сделать все открыто.

Генерал недобро усмехнулся.

— Из некоторого уважения... Звучит не очень-то уважительно.

— Как уж есть, — дерзко ответил Гилоу.

Однако главнокомандующий тиллского гарнизона остался спокоен. Он посмотрел на стол, накрытый чистой белой скатертью в ожидании ужина, и с отстраненностью подумал о мясе молодого барашка под винным соусом, затем вскользь — об ужасах, творимых в городе, и затем — о своем дерзком госте. Поразительно: двадцать лет назад сорокалетние люди казались ему чрезвычайно взрослыми и умудренными, а теперь в свои пятьдесят он относится к ним так же, как в тридцать к двадцатилетним, — несмышленные мальчишки. Гилоу был младше его как раз где-то на десять лет.

— Вы взрослый человек, князь, — медленно проговорил Хакто, — вы уже давно не мальчишка, вы правитель целой страны, — неужели вы до сих пор не научились руководствоваться в своих действиях не эмоциями, а разумом?

— Прекратите, генерал. Не надо говорить со мной так, будто вы старый мудрый учитель, а я молодой взбалмошный ученик. Разбираясь с препятствиями на своем пути, я всегда руководствуюсь голосом рассудка, но направление я выбираю сердцем. Это не вопрос молодости и старости, это вопрос...

— Хватит! — резко оборвал его Хакто. — Не вздумайте говорить о чести и благородстве. Это бессмысленно. У меня есть приказ короля, и я буду его выполнять, нравиться вам это или нет. Я не позволю вам войти в город. И закончим на этом.

Гилоу неторопливо огляделся по сторонам.

— И как же именно вы собираетесь не позволить мне это сделать? Арестуете меня?

— Если понадобится.

— Вы забываетесь, сэвир. Я не давал присяги вашему монарху и я не солдат вашей армии. Любые действия с вашей стороны против меня или моих людей я могу расценивать как объявление войны моей стране.

— Вы союзник нашего короля и, приняв это звание, вы вместе с этим приняли на себя обязательство подчиняться приказам Его Величества. Если же вы отказываетесь от своих союзнических прав и обязанностей, вы становитесь вражеской армией, вторгшейся на территорию Рунады, и в этом случае я должен расценивать вас как угрозу моей стране и моему народу и действовать соответствующим образом.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

Двое мужчин смотрели в глаза друг друга. Затем Гилоу сделал движение, будто смахивал пыль с левого плеча, — это можно было расценить как жест пренебрежения. Но на самом деле он размышлял, и генерал понял это. После некоторой заминки Гилоу положил левую ладонь на длинную рукоять своего меча и посмотрел на королевского главнокомандующего.

— Очень жаль, генерал.

— Я правильно понимаю, дбмин: вы не отказались от своего намерения войти в город?

Гилоу отрицательно покачал головой.

— Тогда, во избежание кровопролития, я считаю своим долгом взять вас под стражу сейчас же, — спокойно сказал Хакто и сделал шаг вперед. — Ваш меч, князь.

Гилоу снова отрицательно покачал головой. Хакто покосился на своего секретаря. Молодой человек не сводил глаз со своего начальника, готовый в любой момент по его сигналу кликнуть стоящую снаружи шатра стражу.

— Прежде чем вы дадите знак своему парнишке, выслушайте меня, генерал. Недалеко от входа в ваш шатер, примерно в десяти локтях, так, чтобы попадать в круг света от костра, стоит Риват Нуарес. Возможно, вы слышали о нем. Это мой первый помощник, мой старший офицер, командир моей армии, мой старый и надежный друг. Он великолепный мечник, один из лучших, кого я знаю. При нем как всегда два великолепных клинка, и он владеет ими с таким мастерством, что во время боя превращается в смертоносное стальное облако, которое нельзя поразить и от которого нельзя укрыться. Риват держит в руках свою старую широкополую шляпу и ждет. Так же, как ждут двадцать моих лучших лучников, расставленных на разном расстоянии вокруг вашего шатра. Ночь выдалась безлунная, но ваша стража и ближайшие к вам подразделения запалили славные костры. Кстати о вашей страже. Двое молодых людей стоят прямо возле входа и еще трое — возле костра в двадцати локтях. Дежурство их подходит к концу, и в скором времени их должны сменить. Они устали и расслабились. Пять молодых ребят, у которых слипаются глаза и которым до смерти хочется промочить горло. И они и понятия не имеют, что двадцать стрел и два ужасных клинка готовы сразить их в любой момент.

— Как вы смаете?! — почти прошептал Хакто, побледнев от ярости.

Гилоу сделал небольшую паузу, внимательно глядя на своего собеседника. Хакто взял себя в руки и постарался успокоиться. Как будто именно этого Гилоу и ждал, он продолжил:

— Как только ваш помощник позовет стражу внутрь, Риват Нуарес наденет на голову свою старую шляпу. Мои лучники поднимут луки и натянут тетивы. Риват, обнажив мечи, вбежит в шатер. Вы не вооружены. У вашего помощника только охотничий нож слева на поясе. Два ваших стражника окажутся между моим мечом и двумя клинками Ривата Нуареса, и я думаю, продержатся недолго. Те трое, что сейчас у костра, падут под стрелами моих лучников. Ваш помощник, если будет вести себя неразумно, также погибнет. Вы броситесь к своему поясу с оружием, который, видимо, в вашей спальне, ибо здесь я его не вижу. Возможно, вы попытаетесь спастись, распоров ткань шатра и сбежав в темноту, хотя, наверно, вы сочтете это ниже вашего достоинства и, вооруженные своим мечом, вы вернетесь ко мне и Ривату. Мы обезоружим вас и возьмем в плен.

Гилоу замолчал и пристально посмотрел на собеседника. Генерал усмехнулся и спокойно произнес:

— Не очень убедительный блеф, если честно.

— Может, потому что это не блеф?

Хакто заметил, как его молодой помощник с чрезвычайной осторожностью приблизился к тяжелой занавеси входа и выглянул наружу. Генерал почувствовал острое желание окликнуть его и приказать ему стоять на месте и не шевелиться. У королевского главнокомандующего мелькнула тревожная мысль, что молодой человек собирается потихоньку позвать двух стражников. Это могло привести к непоправимым последствиям. Но генерал молчал, усилием воли заставив себя положиться на разумность и сообразительность своего помощника, которые тот не раз проявлял. При этом он не отводил взгляда от гостя, дабы тот ничего не заподозрил.

— Хорошо, а что дальше? — спросил Хакто. — Вы во главе своей армии нападете на мои войска и постараетесь всех нас перерезать, используя эффект неожиданности, или ваша бравая конница ворвется в город, сметая всех на своем пути? Чего вы хотите?

Гилоу медлил, казалось, он что-то обдумывает. Тем временем помощник генерала вернул свою голову обратно внутрь шатра и аккуратно отошел от входа.

— Боюсь, между нами произошло досадное недопонимание, — проговорил Гилоу, — ключевое упущение, которое привело к столь неприятному для обоих из нас разговору.

Генерал вопросительно приподнял брови.

— У меня вовсе не было намерения входить в Тилл вместе с моей армией. Я хотел посетить город исключительно как частное лицо без всякой связи с королевскими войсками.

— То есть вы хотите войти в город в одиночестве?

— Ну, почти... С собой я намеревался взять лишь свою личную охрану.

Повисло молчание. Генерал решил, что Гилоу врет и что это решение он принял здесь и сейчас, понимая, что иначе прольется слишком много крови.

— Не знал, что у вас есть личная охрана, — сказал Хакто. — Вы имеете в виду упомянутого выше Ривата Нуареса?

— Нет, он как мой заместитель останется здесь, с моей армией. У меня есть... кхм, двадцать человек личной охраны. Хорошо тренированные ребята, которые всегда сопровождают меня.

— Двадцать охранников, двадцать лучников... Вам определенно нравится это число, — усмехнувшись, проговорил генерал.

Он чувствовал некоторое облегчение. Предлагаемый ему способ разрешения казалось бы тупиковой ситуации, вроде бы, выглядел вполне приемлемым для обеих сторон. Сейчас он заметил, что его помощник делает ему какие-то знаки. Вертит пальцем вокруг своей головы, а затем отрицательно качает головой и машет руками.

— Ради всего святого, дѳмин, скажите: зачем вам все это нужно? — искренне полюбѳпытствовал генерал.

— Я хочу узнать, правда ли то, что рассказывают беженцы.

— Какие еще беженцы? — нахмурился Хакто.

— Из города.

— Разве в моем приказе никого не выпускать из Тилла, направляя людей обратно под страхом смерти, для вас осталось что-то неясным?

— Да нет, все предельно ясно, сѳвир. Просто стечение обстоятельств. Попались особо упорствующие горожане.

— Ваши люди должны были пустить стрелу в одного из них. Если бы это не помогло — во второго, и так далее, пока они не повернули бы обратно.

— Так и было сделано. Но одна женщина упрямо рвалась вперед и умоляла позволить ей просто поговорить с самым главным командиром, просто поговорить. И мои люди позвали меня.

Генерал почувствовал досаду. Ведь хотел же еще вчера не пускать линуѳвцев в оцепление, обойтись без них, но все-таки решил не делать этого, дабы его офицеры видели, что союзники несут тяготы военной службы наравне с рунадцами. Это было весьма недальновидно, посетовал на себя Хакто.

— Ваши люди должны были зарубить ее на месте, а не звать вас, — жестко сказал генерал.

Гилоу чуть помолчал, а затем произнес:

— Просто перепуганная до безумия женщина. Просто поговорить. Я решил, что в этом нет ничего страшного. Я только хотел узнать, что она хотела мне сообщить. А потом, конечно же, вернуть ее в город.

— Вернули?

— Нет, — просто сказал Гилоу. — Оставил ее и всех, кто был с ней. Они сейчас в моем лагере, греются у костра.

— Вы нарушили мой приказ и приказ короля Рунады.

— Я так не думаю. Если во время битвы ситуация меняется кардинальным образом так, что исполнение прежних приказов вышестоящего командования становится невозможным, бессмысленным или даже преступным, младший командир имеет право самостоятельно принимать решения согласно текущей боевой обстановке.

Генералу не понравилось слово «преступным». Он сказал с раздражением:

— Перестаньте играть словами. Здесь не было никакой боевой обстановки и никаких кардинальных изменений ситуации.

— Вы ошибаетесь, генерал. Беженцы рассказали мне ужасные вещи. И если бы эти факты были доведены до сведения Его Величества, я не сомневаюсь, что он отменил бы свое распоряжение возвращать людей обратно в город. Ни мы с вами, ни, я уверен, Его Величество, не предполагали, что в городе может начаться подобное.

Хакто мрачно взирал на своего собеседника. Он понимал, что Гилоу загоняет его в тупик. Конечно же, никто не станет говорить вслух, что король Рунады напрямую одобрил массовые расправы и зверства.

— С чего вы взяли, что они говорят правду? — обреченно спросил генерал, прекрасно понимая, каков будет ответ.

— Вот именно. Конечно же, я не собираюсь верить им на слово и поэтому намерен посетить город и увидеть все своими глазами.

— Вы не должны никоим образом препятствовать священнослужителям отправлять их обряды, вы понимаете это? — все тем же безнадежным тоном проговорил Хакто. — Жрецы неприкосновенны и по человеческим законам, и по божьим.

— Я и в мыслях не имел хоть как-то мешать людям храма в их благородных деяниях. Я просто хочу убедиться, что эти горожане говорят неправду.

Генералу хотелось спросить: «Зачем бы им это понадобилось?» — но, конечно, он не стал.

— И что же такого ужасного они рассказывают? — негромко спросил он.

— Да как обычно. Реки крови, горы трупов. Знаете как говорят: у страха глаза велики.

Генерал остро чувствовал, что ему не стоит задавать следующего вопроса, он не сомневался, что пожалеет об этом, и все-таки, конечно же, спросил:

— Тем не менее, я хотел бы знать, что же конкретно они вам сообщили.

Гилоу медлил. Он даже оглянулся через плечо на молодого помощника генерала. Но, видимо, приняв какое-то решение, он посмотрел на главнокомандующего королевскими войсками и произнес:

— На горожан нападают на улицах, врываются в их дома, грабят и убивают. Насилуют женщин, забивают палками мужчин, детей насаживают на острые колья.

Лицо генерала окаменело, а взгляд стал мрачным и тяжелым. Но Гилоу не остановился:

— Людей вешают на фонарях и балконах, обливают маслом и сжигают, разрубают на части, натравливают на них псов. А некоторых несчастных отводят в храм, где по слухам их скормливают «пожирателям грехов». Вы знаете, генерал, кто такие «пожиратели грехов»?

— Я слышал, что так называют полубезумных персон у некоторых примитивных народов с недоразвитой религией, — хмуро проговорил Хакто. — Эти персоны либо едят пищу, расставленную на телах умерших людей, либо едят некоторые части тел мертвецов. И таким образом они якобы принимают на себя все грехи умершего человека, и тот в посмертии обретает счастливую жизнь безгрешного существа.

— Да, что-то вроде этого. Только еще говорят, что жрецы Ра-Адона каким-то образом научились делать из обычных шишей почти святых существ, которые не отягощены сознательным разумом, а потому им неведомы слабости, желания и пороки, которые развращают душу. Но зато они очень остро чувствуют грешную сущность людей и способны вырывать ее из них. Проще говоря, они едят людей. Едят заживо, генерал.

— Какая чушь, — с омерзением произнес Хакто. — Это просто богохульство и ересь. Несомненно, эту клевету на наших священнослужителей распространяют враги нашей веры и государственного устройства. Всякому здравомыслящему и образованному человеку должно быть понятно, что это просто примитивная злоумышленная диффамация.

Генерал пристально глядел на гостя, ожидая, что тот выразит согласие с его словами. Но Гилоу не выразил. Он молчал.

— Вы что, хотите сказать, что вы верите во все эти рассказы? — чуть ли не с презрением поинтересовался генерал.

— О чем именно вы спрашиваете? О пожирателях грехов или о тех зверствах, что творятся в городе?

— Обо всем, — резко ответил Хакто. — Хотя, конечно, нет нужды говорить об этих пожирателях, ибо я верю в ваше здравомыслие и рассудительность и в то, что вы способны отличить клеветническую ересь от правды. Ну а что касается этих якобы жестокостей, творимых в Тилле, то я думаю, вам известно, дѳмин, что маннаи объявлены вне закона, ибо они злоумышляли против короля и короны. А потому я, конечно, допускаю, что некоторые из них оказали сопротивление и были, по всей вероятности, убиты.

— Странно только, что с врагами короля и короны разбираются не королевские войска, а святая гвардия и всякий сброд, примкнувший к ним. Вы не видите здесь никакого несоответствия?

— Нет, не вижу. Армия нужна для защиты страны от внешних врагов, а с внутренними — тем более теми, кто создал еретическую богохульную секту — сам Бог велел разобраться

Святой Кадоле и святому братству. И кого это вы называете сбродом? Добропорядочных горожан, равнодушных к судьбам своей страны?

— Да, именно их. А теперь, генерал, я хотел бы покинуть ваш шатер, дабы не мешать более вашей трапезе.

Хакто, сложив руки за спиной, мрачно глядел на своего гостя.

— Уходите, — сказал генерал, — и не забудьте прихватить ваших мифических лучников.

— Правильно ли я понимаю, что вы не будете препятствовать мне войти в город?

— Вы лично можете это сделать, — холодно ответил Хакто.

— С моей личной охраной, — уточнил Гилоу.

— Вы можете взять с собой не более... — Хакто задумался; по его каменному недоброму лицу было ясно, что задумался он о чем-то неприятном. — Вы можете взять с собой только одного человека.

— Я кажется сообщил вам, что моя личная охрана составляет двадцать человек.

Генерал жестко усмехнулся.

— Зачем вам охрана? По большому счету даже этот один вам не нужен. Вы не маннай, вы наш искренний единоведец и верный союзник. Вам ничего не угрожает в Тилле. Ни святая гвардия, ни добропорядочные горожане, конечно же, ни в коем случае не будут иметь к вам каких-либо претензий. А главное, господин Гилоу, если вы хоть в чем-то правы насчет того, что творится в Тилле, вы сами потом горько пожалеете, что привели туда кого-то из своих людей. Ибо вы наградите их тяжестью сердца, которую вряд ли им желаете. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Всего доброго, — ответил Асвиард и развернулся к выходу.

— Только одного, князь, не больше! — бросил генерал в спину уходящего гостя.

Когда Гилоу Асвиард покинул шатер, генерал посмотрел на своего молодого помощника и спросил:

— В чем дело, Менвик, что ты там пальцем у головы вертел?

— У него шляпы нет, — радостно сообщил молодой человек, приблизившись к своему начальнику.

Хакто некоторое время разглядывал своего адъютанта так, будто у того выросли ослиные уши.

— У кого нет шляпы? — наконец спросил он.

— Ну, у Ривата Нуареса, помощника господина князя, — все так же воодушевленно объяснил Менвик.

И снова Хакто долго смотрел на молодого человека, как бы с легким неприятным удивлением.

— Ты очень наблюдателен, — проворчал генерал, подошел к столу и встал, опершись кулаками о столешницу.

Радостное выражение покинуло лицо Менвика.

— Пусть ко мне немедленно явится полковник Альгонде, — приказал Хакто.

— Слушаюсь, господин генерал, — четко ответил Менвик и добавил, желая лишний раз продемонстрировать свою сообразительность и расторопность: — Прикажете также послать за посыльным?

Хакто обернулся.

— Зачем? — удивился он.

Менвик растерялся.

— Ну, разве вы не хотите отправить посыльного к великому магистру? — спросил он.

— Зачем?

— Чтобы предупредить его о том, что господин князь со своим человеком войдет в город, — неуверенно проговорил Менвик.

И вновь, в третий раз уже за последние десять минут, генерал удостоил своего адъютанта долгим задумчивым взглядом. Сообщить Вамире Онши, что в городе появились ненужные свидетели, и чтобы Хранитель Гелиокона позаботился о том, чтобы эти свидетели больше уже никогда не покинули Тилла? На это намекал его расторопный помощник? Генерал смотрел на розовощекого молодого человека и думал о том, что мальчишка, наверно, далеко пойдет. «Если я, конечно, дам ему пойти», — немного зловеще подумал Хакто.

— Я жду полковника Альгонде, — холодно проговорил генерал, и Менвик бросился прочь из шатра.

6

В большой длинной зале с высокими стрельчатыми окнами с мозаичным цветным стеклом, за необъятным каменным столом, на деревянной скамье сидел Эльнас Велоне. Это был высокий худой мужчина с коротко остриженными каштановыми волосами. Он жадно проглатывал текст лежавшего перед ним ветхого фолианта. При этом большим пальцем левой руки он быстро и нервно ковырял ноготь среднего пальца, а в правой руке держал наполовину съеденное красное яблоко. Его безвозрастное лицо выражало крайнюю сосредоточенность и увлеченность. Иногда его тонкие, почти фиолетовые губы шевелились, беззвучно проговаривая слова, извлекаемые из книги.

На мужчине были мягкие кожаные туфли с гибкими подошвами, свободные легкие темные брюки и черный, тщательно подогнанный по его художавой фигуре камзол. Рукава камзола в данный момент были закатаны, открывая взору тонкие предплечья с хорошо различимыми венами, а также длинные неровные нити шрамов, идущих от запястья к локтю. На каждой руке таких шрамов было четыре: один на внешней стороне предплечья, другой — на внутренней и два по бокам, вдоль линий мизинца и большого пальца.

Некая мушка возникла откуда-то из пространства над столом и села на мякоть яблока. Большие голубые глаза Эльнаса оторвались от текста и с отвращением поглядели на нахальное насекомое. Мушка проползла немного по влажной сочной поверхности, чем вызвала еще большее негодование любителя яблок. Мужчина сжал левую ладонь в кулак, медленно развел большой и указательный пальцы и затем резко соединил их кончики, образовав кольцо. Насекомое свалилось на каменную поверхность стола и больше не шевелилось. Человек отложил яблоко в сторону и занес ребро правой ладони над насекомым.

В этот момент из глубины залы послышались шаги. Кто-то шел по центральному проходу, мимо громадных высоченных стеллажей, заваленных книгами, свитками, кусками ткани, высушенной коры, пергамента, костей и даже глиняными дощечками и каменными плитками. Эльнас поднялся из-за стола и отошел к ближайшему стеллажу, встав к нему вплотную. Мушка тем временем пришла в себя и улетела.

Из прохода появился темноволосый симпатичный хорошо сложенный молодой человек. Он остановился и недоуменно огляделся по сторонам. Высокого худого мужчину, прижавшегося к стеллажу за границей света стоявших на столе свечей, он не заметил. Немного постояв, молодой человек приблизился к огромному столу и скользнул взглядом по раскрытой книге и наполовину съеденному яблоку.

— Ну, как там дела, Рон? — спросил Эльнас Велоне и отошел от стеллажа.

Молодой человек вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

— Весьма скверно, майрефу, — с облегчением произнес он. — «Желтоголовые» просто обезумели.

— В этом нет ничего нового, — заметил Эльнас, приближаясь к столу.

— Да, но сейчас они как звери, вкусившие крови. Теперь они видят еретиков и богохульников в каждом фонарном столбе и каждой бездомной собаке. По улицам стало невозможно ходить. Меня четыре раза хватили, сгибали пополам и тщательно разглядывали шею. Причем последний раз так долго, что я уж начал думать, что либо этот святой брат слаб зрением, либо он так раздосадован тем, что я не маннай, что собирается собственноручно нарисовать мне знак Солки и отправить на обряд очищения. А кроме того, к святой гвардии присоединились всякие доброхоты из горожан. В руках — палки, на голове — желтые платки, помогают избавлять Тилл от нечестивых грешников. А под шумок где девицу молодую зажмут, где стянут то,

что не успели стянуть доблестные гвардейцы. Просто вертеп какой-то. Надо было нам раньше уходить, господин. Дотянули до последнего.

Эльнас остановился перед книгой, которую читал, и медленно провел пальцами по плотной шершавой бумаге.

— Если бы ты знал, Рон, сколько здесь вокруг тебя сокровищ. — Молодой человек посмотрел по сторонам. — Эта библиотека просто бесценна. Я бы хотел провести здесь несколько лет, а не несколько месяцев. Тилл — один из самых древних городов Алинтеи, и те знания, что накоплены здесь, берут свои истоки в таких темных глубинах прошлого, что просто дух захватывает, когда пытаешься осознать эту бездну времени.

— Но жрецы ищут вас, они как с цепи сорвались.

— Я знаю, знаю. Но они просто жалкие недоумки, неспособные понять ни меня, ни окружающий их мир. Они погрязли в своих убогих ритуалах и глупых обрядах, увязли в своих туманных бессмысленных писаниях и толковании оных. Отупели от алчности, ханжества, лени. Развратились вседозволенностью и безнаказанностью и, по-моему, окончательно потеряли человеческий облик. Намажут себя этой желтой гадостью, обкурятся и ходят довольные, любуясь собой. А их жалкие шаманские фокусы, которые они называют магией, просто смехотворны.

Рон почтительно молчал, слушая этот монолог. Глубокая неприязнь его господина к жрецам Ра-Адона, конечно, не была для него новостью. Но только он с тоской подумал, что это надолго, Эльнас Велоне прервал себя и поинтересовался:

— Форму достал?

— Конечно, — с легким налетом самодовольства ответил Рон. — Прямо из первоисточника.

— То есть?

— Купил в храме. И даже оружие тоже. И мечи, и кинжалы — абсолютно настоящие.

— Однако. А что ты им сказал?

— Пришел в их запасник, нашел там главного по обмундированию — мордатый такой мужик. По глазам сразу видно, жадная сволочь, — и сказал ему, что мне нужно два полных комплекта вместе с оружием. Сказал, что я из театра мастера Кабока.

— И он согласился? — недоверчиво усмехнувшись, спросил Эльнас Велоне.

— Нет, конечно, — спокойно ответил молодой человек. — Мне пришлось рассказать ему, что сейчас у нас в театре идет постановка патристической пьесы, где главные герои — благочестивые святые братья, и мастер Кабока требует абсолютного реализма на сцене. А когда я ему сказал, сколько мастер Кабока готов заплатить за реализм, последние сомнения покинули жреца, и он выразил полную готовность содействовать искусству.

— Вот уж воистину: деньги — самая сильная магия в этом мире. Деньги могут все. Открывают любые двери, покупают королей и продают королей. Решают судьбы самых последних нищих и целых народов, обрекают на смерть и дарят счастливую жизнь, разжигают страх и ненависть и внушают щедрость и великодушие. Деньги за гранью добра и зла, они — идеальное мерило вещей и людской сущности, они творят милосердие и спасение и начинают войны.

— На деньги настоящую любовь не купишь, — мимоходом, не придавая своим словам никакого значения, заметил Рон.

Но Эльнас Велоне, оборвав на полуслове свою речь, внимательно посмотрел на своего слугу.

— Что? — тихо спросил он.

Рон поглядел на высокого мужчину и понял, что сказал что-то лишнее. Он прокашлялся и произнес:

— Ну, в народе говорят так, что настоящую любовь не купить.

— Никогда не повторяй за другими всяких глупостей, — с отвращением проговорил Эльнас. — Настоящая любовь, так же как настоящее вино, продается и покупается, просто стоит несколько дороже. Это раз. А во-вторых, вообще непонятно, что имеет в виду твой народ под словами «настоящая любовь».

Рон решил сменить тему.

— Переодеваться будем здесь, в библиотеке? — спросил он.

На лице высокого мужчины промелькнуло неудовольствие.

— Если честно, вся эта идея мне не кажется такой уж блестящей.

Рон незаметно возвел очи горе и с ноткой укора в голосе проговорил:

— Но, майрефу, вы же сами сказали, что здесь в городе ваши умения не действуют. А форма сбережет нас от всяких дураков с палками.

— Я не говорил, что мои умения не действуют, — недовольно возразил старик. — Я сказал, что в Тилле очень опасно использовать любого рода магию. Это все равно что в горах начать орать во весь голос. Но камнепады и лавины не идут ни в какое сравнение с тем, что начнет твориться здесь, если нарушить древнее равновесие.

— Вот и я к тому же, — поддакнул Рон, — не надо ничего нарушать. Вырядимся святыми братьями и тихо-мирно уйдем.

Эльнас хмуро посмотрел на своего слугу.

— Кстати, а сколько ты заплатил за форму?

Рон как-то сразу поскущел. Он поглядел куда-то в сторону и произнес негромко:

— Двадцать.

— Сколько?!

Рон прокашлялся и повторил:

— Двадцать.

— Двадцать чего?

— Солидов.

— Ты отдал двадцать золотых монет за какие-то тряпки?!

— И оружие, — вставил молодой человек.

— И две железяки?!

Повисла напряженная тишина. Рон попытался объяснить:

— Вы же сами вчера сказали не жалеть денег. А этот жрец, чтоб ему пусто было, сначала вообще хотел по пятнадцать солидов за комплект, и это еще без мечей. Еле уговорил его. И то пришлось взывать к великому Ра-Адону, а затем к совести жреца и голосу разума.

Старик усмехнулся.

— Ты лжешь, — уже спокойно сказал он.

— С чего вы взяли? — возмущенно спросил Рон.

— Когда ты лжешь, у тебя всегда краснеет нос.

Молодой человек с сомнением посмотрел на высокого мужчину.

— Серьезно, — сказал Эльнас. — Сочинение лжи для мозга — гораздо более трудоемкая задача, чем произнесение правды. Представь: мозг должен сначала воспроизвести ситуацию как она была на самом деле, затем вообразить то, чего не было, и при этом придать вымышленным событиям правдоподобность, и затем выдать эту вторую версию, при этом постоянно держа в памяти истинное положение вещей. Конечно, мозг работает более напряженно, ему требуется больше крови, кровь приливает к голове, и у тебя краснеет нос.

— Сказки... — недоверчиво произнес Рон.

— А во-вторых... сколько я тебя уже знаю? Больше пятидесяти лет наверно, и ты думаешь, я поверю, что ты отдал какому-то пройдохе-жрецу двадцать золотых монет? Мне просто интересно: он живой сейчас?

— Живой, — хмуро ответил Рон, — только нездоровится ему что-то.

— Маковый сок?

Рон утвердительно кивнул головой.

— А почему ты не использовал неразменные монеты Аршуна?

— Так вы же сказали, что магия в Тилле не действует. Я боялся, что они не вернутся ко мне.

Эльнас вздохнул.

— Впредь слушай меня внимательней. Повторяю еще раз: магия в Тилле действует, но применять ее крайне опасно, ибо здесь тьма защитных кругов, охранных заклятий и резонансных полей. Так что любое неосторожное воздействие на структуры сфер может привести к катастрофе. Но монеты Аршуна будут работать здесь так же, как и везде, и никаких последствий это не повлечет. Они — вещь в себе и никакого резонанса вызывать не могут. Ясно?

— Ясно.

— Значит, я правильно понял: мы не стали беднее на двадцать солидов?

— Не стали.

— Отлично. Не забывай: нам еще расплачиваться с капитаном Лиеном.

— Скорей бы оказаться на борту «Маринэ» и забыть весь этот обезумевший край, — со вздохом произнес молодой человек.

Эльнас задумчиво поглядел на бесконечные стеллажи, теряющиеся в полумраке.

— Как бы хотелось взять хоть что-то из сокровищ библиотеки, — проговорил он. — И потом, в спокойной обстановке, без спешки и суеты, погрузиться в изучение тайн древних мастеров.

Рон испуганно покосился на объемный фолиант, лежавший на столе. Мгновенно представив, сколько все эти сокровища могут весить, он почувствовал беспокойство.

— Кстати, жрецы запретили любое передвижение по городу лошадей и повозок, — торопливо сообщил он. — До пристани придется идти пешком.

Эльнас усмехнулся.

— Не волнуйся. Все, что есть в тиллской библиотеке, навсегда останется в ней. Да будет тебе известно: на каждом предмете, который поместили сюда на сохранение, была поставлена сливовая печать. И то, на чем она стоит, вынести отсюда не удастся.

— А что случится, если вынести? — тут же с любопытством спросил Рон, на этот раз с интересом поглядев на массивный фолиант.

— Дух-хранитель библиотеки придет за ее имуществом.

Рон недоверчиво усмехнулся про себя. «Ну конечно, — подумал он, — дух-хранитель, как же».

— А на этой книге где печать? — спросил он.

Эльнас закрыл фолиант, перевернул плотную кожаную обложку и указал на маленький цветной рисунок, изображавший ветку, на которой висело три спелых сливы.

— Вот, — сказал он, чуть прикоснувшись пальцами к рисунку. — Охранная печать, созданная мастером Гирином. Он назвал ее «Холодный шепот в лепестках сливы». Слива символизирует долголетие, зиму, красоту, чистоту, отшельничество. Слива, если ты не знаешь, цветет в середине зимы и обладает удивительными свойствами сохранять материю. В шкапулку, сделанную из сливового дерева, положи кусочек мяса, и через год ты достанешь его оттуда свежим и неиспорченным. Если ты истолчешь сливовые семечки и полученный порошок смешаешь с мукой, хлеб, который ты испечешь, останется съедобным на месяцы. Если каждый день съедать по десятку слив, процессы старения в организме замедляются. Эту печать мастер Гирином создавал в первую очередь для того, чтобы спасти все эти кладези знаний от воздействия времени, от тления и ветшания. Но работая здесь, в тиллской библиотеке, он скоро понял, что кроме времени, книги нужно еще защитить от людей, которые желали похи-

тить древнюю мудрость для единоличного пользования. И потому он привязал к печати одного мстительного духа, сумев обязать его исполнять функцию хранителя.

Рон с большим сомнением слушал слова своего господина. За то время, что они были вместе, молодой человек привык с осторожностью относиться к рассказам Эльнаса Велоне. Старый маг считал своего слугу невеждой и любил подшучивать над ним. Рону всегда очень хотелось обрести какие-нибудь необычные магические способности, а потому поначалу он легко поддавался на эти провокации.

Взять хотя бы случай с «веденским ведром». Однажды Эльнас Велоне принес необычный сосуд, сделанный из какого-то металла, похожего на серебро, и рассказал Рону, что это одно из трех знаменитых «веденских ведер». Что оно якобы сделано великим магом древности из металла, полученного из руды добытой из куска валуна, упавшего с неба. Если в ночь новой луны взобраться на вершину горы поближе к небесам, раздеться догола, надеть ведро на голову, принять третью позицию раскрытой лилии и так провести всю ночь до рассвета, то невероятная мудрость снизойдет на человека. Ибо веденское ведро — это чудесный проводник, который может соединить разум человека с беспредельной глубиной вселенского астрального поля, в котором хранятся все знания прошлого и будущего.

И естественно, Рон так и сделал. Втайне от Эльнаса он проштудировал книгу «Путь безмыслия», нашел третью позицию раскрытой лилии и в следующее новолуние всю ночь голым просидел на ближайшем холме с ведром на голове. Старый маг так хохотал, когда узнал об этом, что у него закололо в боку. Молодой человек не любил вспоминать об этом. А также о массаже пупка.

Эльнас рассказал ему, что если особым образом массировать свой пупок, можно необычайно развить энергетический центр организма, который находится как раз внизу живота, на два пальца ниже пупка. Что якобы пупок напрямую связан с этим центром. А если этот центр развит гармонично и всесторонне, то человек становится способным на многие удивительные вещи. А именно: разбивать стены, выдерживать прямой удар меча, переносить огромные тяжести, передвигаться с немыслимой скоростью, видеть в темноте, чувствовать запахи как собака, исцелять себя и других, легко обходиться долгое время без пищи и воды, ходить по углям, подпрыгивать на высоту трехэтажного дома и так далее.

В общем, Рон часами указательными пальцами обеих рук массировал себе пупок, после чего, тщательно сконцентрировавшись на нижней части живота, для начала пытался разбить стену. Но все закончилось раздраженной кожей вокруг пупка, ушибленными кулаками и закатывающимся от смеха Эльнасом Велоне. Тогда Рон пообещал себе, что больше он не попадет на эту удочку. Но через некоторое время он загорелся новой идеей. Мазью для полетов, основанной на укропе.

— Человек не летает только потому, что боится упасть, — пафосно возвещал старый маг, подсовывая своему слуге старинный манускрипт с тайным рецептом волшебной мази.

Три дня потом Рон ходил с ушибленным задом, с зеленоватым оттенком кожи и благоухая укропом. В другой раз хозяин как бы между делом поведал ему о том, что добыл секретный рецепт древней настойки, позволяющий человеческому организму перейти на новый уровень существования, а именно: потреблять всю необходимую энергию не из грубой пищи, а прямо из космоса, от солнечных лучей, от звездных ветров и прочих таинственных энергий, которые якобы пронизывают пространство во всех направлениях. Стоит только начать пить эту настойку по стакану три раза в сутки и ходить как можно более раздетым на открытом воздухе, и через несколько дней надобность в пище пропадает, а также, соответственно, и в процессе дефекации. Останется только изредка пить воду.

Рон был необычайно воодушевлен такой возможностью и вскоре потихоньку стащил бумагу, на которую Эльнас переписал древний рецепт с папирусного свитка. На изготовление настойки ушло три дня, после чего Рон принялся пить ее и ходить полуголым по улицам.

Вытерпел он ровно два дня: на второй вечер он схватил буханку горячего хлеба и съел ее всю за раз. Он так и не понял, была ли это очередная шутка его господина или он просто не продержался нужного количества времени.

Иногда он напрямую просил Эльнаса Велоне обучить его хоть какой-нибудь магии, на что тот неизменно отвечал, что научить, конечно, можно, но только в случае Рона это будет бесполезно.

— Понимаешь, — втолковывал ему старый маг, — кроме знаний необходимы некие врожденные умения. Как в пении: если у тебя нет голоса и музыкального слуха, то сколько ты ни изучай нотную грамоту и высоту звуков, ты не будешь хорошо петь. Тебе это просто не дано.

И Рон удовлетворялся этим объяснением, хотя и подозревал, что Эльнас Велоне просто не хочет по каким-то своим причинам передавать кому-либо свои умения. На настоящий момент единственная магия, которой владел Рон, — это карточные фокусы и прочие хитроумные манипуляции с колодой, которым он обучился еще в прошлой жизни — той, что у него была до того, как он встретился с этим странным человеком без возраста и национальности.

— Ну и к лучшему, — заключил Рон. — Наверно, нам пора, капитан Лиен вечно ждать не будет.

— Будет, — усмехнулся Эльнас. — Будет.

Старый маг еще раз оглядел то, что лежало на столе. На миг его взгляд задержался на недоеденном яблоке, затем он развернулся и решительно зашагал к выходу. Рон с облегчением последовал за ним. Ему хотелось как можно быстрее оказаться вне пределов Тилла.

7

Гилоу Асвиард и его помощник быстро шагали к лагерю линуэвцев.

— Как все прошло? — с нетерпением спросил наконец Риват Нуарес, не дождавшись от князя никаких слов.

Гилоу покосился на своего офицера и сказал:

— Да в общем нормально. Кстати, а где твоя шляпа?

— Шляпа? — Риват провел ладонью по своим волосам и пожал плечами. — Не знаю, в палатке, наверно, оставил. А что?

— Да ничего, просто я сказал генералу, что, когда ты снимешь свою шляпу, это будет сигналом двадцати нашим лучшим лучникам, расставленным вокруг шатра главнокомандующего, стрелять в королевских солдат, которые будут мешать нам уйти.

Риват Нуарес с изумлением поглядел на князя и даже остановился. Но Гилоу не собирався ждать его, и молодой офицер поспешил за своим командиром.

— Боюсь, я не только шляпу забыл, но и лучников не расставил, — усмехнулся Риват.

Гилоу ничего не ответил. Через некоторое время Нуарес осторожно поинтересовался:

— Что, все так плохо?

— Да нет, теперь уже все хорошо. Я, как и хотел, иду в город.

Риват ничего не сказал. Дальше они шли молча. Сквозь теплую звездную ночь, мимо пылавших оранжевых костров, мимо шатров, палаток и навесов, минуя редких солдат и офицеров, торопившихся по своим делам. Гилоу тоже спешил: где-то на краю его сознания вертелась мысль, что генерал может в любой момент передумать, а потому в город нужно было уйти как можно быстрее.

Когда они подошли к шатру князя, Риват Нуарес с усмешкой сказал:

— Я схожу за шляпой.

— Постой. Зайдем внутрь.

В шатре, чуть помедлив, он закончил:

— Ты останешься здесь.

— Что?!

Гилоу вздохнул.

— Пойми, ты нужен мне здесь.

— Что значит «здесь»?! — возмутился Риват. — Вы же слышали, что рассказывали эти несчастные люди из Тилла. Там же сплошной разбой и резня. И вы хотите, чтобы я отпустил вас туда одного?

— Риват, ситуация непростая. И мне нужен здесь человек, на которого я могу полностью положиться. Это только ты. Ты должен остаться и сблечь мою армию. А в городе со мной ничего не случится. Я просто хочу посмотреть, что там происходит на самом деле, и все.

На лице Ривата отражалась та буря, что бушевала у него внутри. Некоторое время он просто не знал, что сказать, с чего начать.

— Просто посмотреть, — наконец произнес он с горькой усмешкой. — Конечно. И от кого нужно беречь вашу армию?

— Я думаю... вернее, я даже уверен, что Хакто не станет предпринимать никаких враждебных действий по отношению к нам, но тем не менее я хочу, чтобы ты контролировал ситуацию здесь.

— Враждебных действий... о чем вы говорите?

— Он угрожал мне арестом, если я не откажусь от мысли войти в город, я же, в свою очередь, угрожал ему взяться за оружие, если он попытается что-либо предпринять против

меня или моих людей. В конце концов мы сошлись на том, что он разрешает мне с одним из моих людей войти в Тилл, но думаю, в глубине души он чувствует себя задетым. И... — Гилоу неопределенно помахал рукой.

— Может, ну его к лешему, этот Тилл?! — в сердцах воскликнул Риват. — Пусть они там резвятся как хотят, нам-то что за дело?

— Я сделаю как решил, — твердо проговорил Гилоу. — Я хочу точно знать, в чем я тут участвую.

— Может, лучше не знать? — со вздохом спросил Риват.

— Может, и лучше. Но я все равно пойду. Твоя задача — быть мудрым и дальновидным. Ты должен ни в коем случае не допустить столкновений с королевскими солдатами. Только если будет прямое нападение, но я уверен, что этого не произойдет. Хакто, конечно, вспыльчивый человек, но достаточно благоразумный. Но ты должен остудить все горячие головы с нашей стороны, если нас будут как-то задирать или провоцировать. Вам ясно, господин капитан?

Риват расправил плечи и посмотрел на своего повелителя холодно и отчужденно.

— Вполне, дбмин.

— Не дуйся. Я больше всего на свете хотел бы, чтобы ты прикрывал мне спину, но я хочу, чтобы мои ребята остались целыми и невредимыми, и потому, скрепя сердце, приказываю тебе остаться здесь. Я знаю: ты сможешь во всем разобраться и все сделать правильно, если будет нужно. А со мной пойдет Ольмерик. Ведь он наш лучший... — Гилоу чуть споткнулся, решив, что зря это упоминает, — мечник. После тебя, разумеется.

— Вы же только посмотреть собираетесь, и зачем это вам тогда лучший боец-мечник, непонятно.

Гилоу вздохнул.

— Риват, времени совсем нет.

Когда Нуарес ушел, Гилоу начал переодеваться. Он не хотел входить в город в своих княжеских одеяниях, предпочитая выглядеть скромнее и незаметнее.

Повелитель Линуэвии стоял в одних белых подштанниках и нижней рубашке перед длинным столом и разглядывал лежавшие на нем кольчуги, латы, оружие и предметы одежды. «Может, и правда, ну его к лешему, этот Тилл, — подумал он, — чего я хочу добиться этим на самом деле?». Натягивая плотную стеганую куртку, прошитую из нескольких слоев холста и набитую паклей, он чувствовал, как сомнения в его душе набирают силу, разгораясь от брошенной им искры. Как же он жалел теперь, что оказался замешанным в этом грязном деле. Он понимал, что весть об этой кровавой резне ураганом пронесется по всем семи королевствам и через Валханну до самого Кангарда. Эта жуткая ночь войдет в историю, и уже никогда ему не отмыться от участия в этой мерзости. Так чего же он хочет? Войти в город и воочию лицезреть все те ужасы, о которых рассказывали бежавшие горожане? Чтобы всегда помнить о них? Это что, своего рода бичевание?

Гилоу выбрал самую короткую кольчугу и некоторое время мял ее в руках. Затем начал надевать её, и снова сомнения одолели его. Зачем ему кольчуга, он собирается с кем-то сражаться там? Это был какой-то бред, Риват прав. Он не сможет никого спасти, он только подвергнет опасности себя и молодого Ольмерика, да и вообще всех людей, которые доверяли ему, которые пришли сюда за ним, чтобы защищать мирных горожан от маранских пиратов, а не участвовать в истреблении ни в чем не повинных рунадцев. А когда они войдут в город, Ольмерик ведь тоже увидит, чему они способствовали, и ему придется жить с этим до конца их дней. Нет, это неразумно. И никому не нужно.

Гилоу надевал облегающие кожаные брюки, толстый суконный кафтан, сапоги, тяжелый широкий плащ с капюшоном, и его движения становились все медленнее и медленнее. Он продевал в петли деревянные пуговицы, застегивал пряжки ремней, завязывал шнурки, поправлял перевязь с мечом, пояс с кинжалом и двумя ножами, и все меньше и меньше ему казалось это

нужным. Он просто смешон в своем отчаянном акте жалкого искупления. Ему следует остаться здесь, в лагере, дожидаться рассвета, закончить свои обязательства перед монархом Рунады и покинуть эти края как можно скорее. Это будет правильно.

Гилоу задернул полы плаща и некоторое время стоял не шевелясь. Он погряз в этом деле вместе с генералом Хакто, и остаться чистым уже не получится, а усугублять ситуацию, входя в город и с головой погружаясь в эту кровавую резню, просто бессмысленно. Или неужто он все еще лелеет надежду, что на самом деле все не так ужасно, как описывают беженцы, мол, у страха глаза велики и бедные маннаи просто преувеличивают?

Гилоу услышал шаги и повернулся к выходу. Нужно было принимать окончательное решение. В шатер влетел молодой гвардеец.

— Мой повелитель, там полковник Альгонде, он требует вас к себе, — задыхаясь, быстро проговорил он.

— Требует? — холодно уточнил Гилоу Асвиард.

— Да. С ним тьма его солдат. Мы не пускаем их в лагерь, а один он проходить не хочет. Он у южного входа. — Гвардеец говорил возбужденно и сбивчиво, глаза его взволнованно горели, а в руках он мял свою вязаную черную шапочку с белой эмблемой Линуэвии.

Но Гилоу не шевелился. Он пристально смотрел на вестового, пока тот наконец не сник и не начал дышать гораздо тише.

— Ты считаешь, что я должен исполнять требования полковника рунадской армии?

В неверном свете двух жаровен и нескольких свечей повелитель Линуэвии увидел на лице молодого человека смятение. Тот явно уже крайне сожалел о том, что в качестве вестового выбрали именно его. Но он собрался с духом и, стараясь говорить не спеша и ровно, произнес:

— Простите, д́о́мин. — Пауза. — Мне что-нибудь передать полковнику?

— Да. Передай: пусть ожидает, я скоро буду.

Гвардеец, прекрасно понимая, что полковнику такой ответ, не понравится, тем не менее только кивнул и молча вышел.

Гилоу задумчиво поглядел на деревянный столб, подпирающий вершину шатра. «Ну что ж, совсем неплохой выбор», — мысленно похвалил он генерала Хакто. Гилоу считал полковника Альгонде вполне здравомыслящим и рассудительным офицером и решил, что он, конечно, будет честно исполнять данный ему приказ, но накалять ситуацию, скорее всего, не станет. Хотя ведь еще неизвестно, что приказал ему Хакто. У него мелькнула мысль дожидаться Ривата с выбранными им мечниками, но он не стал.

У южного входа в лагерь царило глухое напряжение. Место было освещено двумя кострами, которые поддерживали линуэвские гвардейцы, несшие караул, и множеством факелов в руках рунадских солдат. Между кострами, как бы преграждая путь незваным пришельцам, возвышалась фигура молодого лейтенанта. Он стоял не шевелясь, спиной к лагерю, его левая ладонь покоилась на рукояти меча, а мрачное лицо было полно решимости.

Напротив него, метрах в трех, также без единого движения застыл полковник Альгонде — высокий, широкоплечий мужчина лет сорока пяти. Его, в общем-то, открытое и доброе лицо с аккуратно подстриженными бородой и усами сейчас было хмурым и серьезным. Одет он был как на парад: в черный длинный камзол, расшитый алою нитью, поверх которого, прекрасно подогнанные по фигуре, крепились стальные латы с золотыми узорами; облегающие темные брюки — опять же с золотой и алою вышивкой, высокие сапоги и роскошный длинный черный плащ с красным подбоем. В центре живота, на поясе, висел меч, на длинной рукояти которого в данный момент были сложены его ладони.

Слева и справа от полковника, немного сзади, стояли два его младших офицера и дальше — рядовые солдаты с факелами в руках. Со стороны линуэвцев, кроме молодого лейтенанта, было еще четыре караульных гвардейца и больше никого. Внезапный приход столь многочисленного воинства к границе лагеря был, тем не менее, исполнен весьма тихо и никак не привлек

внимания остальной части линуэвской гвардии. Однако молодой лейтенант, которого звали Дарайн, несмотря на столь явный численный перевес пришельцев, был готов любыми средствами исполнять свой долг и не пускать в лагерь посторонних. Единственное исключение он сделал лишь для самого полковника, но тот отказался пройти в лагерь один без своих людей, а Дарайн категорически отказался пропускать их.

Наконец Альгонде поднял голову и посмотрел куда-то за плечо линуэвского лейтенанта. Последний оглянулся и с облегчением увидел приближающуюся фигуру своего повелителя. Дарайн отступил в сторону, пропуская Гилоу Асвиарда навстречу рунадскому офицеру.

— Вы хотели меня видеть, полковник? — спокойно произнес правитель Линуэвии.

— Да, дóмин, — так же спокойно ответил Альгонде и сделал шаг вперед. — Я имею приказ от генерала Хакто сменить ваших людей в оцеплении.

Гилоу какое-то время разглядывал своего визави, будто пытаясь угадать, насколько откровенен с ним был главнокомандующий тиллского гарнизона. Но все же решил, что спрашивать полковника о причине подобного распоряжения — это лишь пустая трата времени.

— Хорошо, я пошлю с вами своего офицера, он укажет вам наши посты и заберет моих гвардейцев. — Гилоу повернулся к лейтенанту. — Дарайн, пошли кого-нибудь за Рейником.

Дарайн коротко поклонился и отошел к одному из костров, где что-то тихо и быстро сказал одному из гвардейцев. Последний торопливо удалился.

— Это всё?

— Боюсь, что нет, дóмин. Генерал Хакто также высказал пожелание, чтобы после того, как линуэвская гвардия будет снята с оцепления и вернется в лагерь, все ваши люди оставались в нем, не покидая его пределов, по крайней мере до рассвета.

Гилоу усмехнулся.

— Вы пришли сюда со столь многочисленной свитой для того, чтобы проследить, что это пожелание генерала будет воплощено в жизнь?

— Буду с вами откровенен, господин князь: это только часть моих людей. Остальные под руководством моих офицеров подошли к вашему лагерю с востока, запада и севера. И да, я намерен проследить за тем, чтобы пожелание генерала было исполнено.

У Гилоу мелькнула мысль пройтись на счет того, что вряд ли в этом много достоинства для полковника и его людей — быть надсмотрщиками за товарищами по оружию, но он, конечно, не стал этого делать.

— Благодарю за откровенность, полковник. Поступайте как считаете нужным. Я согласен пойти навстречу странному пожеланию генерала Хакто и прикажу своим людям оставаться в лагере до особого распоряжения. Однако в свою очередь высказываю убедительную просьбу, чтобы ни вы лично, ни кто-либо иной из личного состава армии Рунады не пересекал границы нашего лагеря. Я думаю, вы согласитесь, что эта просьба вполне законна в данных обстоятельствах. Уж если вы лишили нас своего доверия, то с какой стати нам в свою очередь продолжать питать доверие к вам?

— На данный момент я не намерен вторгаться в пределы вашего лагеря, — сказал полковник.

Гилоу усмехнулся.

— Боюсь, отсутствия такого намерения у вас в данный момент недостаточно для нас. Я хотел бы услышать, что вы даете мне слово, что этого не будет.

— Вы же понимаете, что я не могу дать подобного обещания. Я солдат и подчиняюсь приказам. Откуда мне знать, какими они будут в будущем.

— В самом деле, откуда нам знать, что еще взбредет в голову вашего доблестного главнокомандующего.

Глаза полковника вспыхнули, и он крепче сжал обеими руками свой меч.

— Ваши слова весьма неучтивы, господин князь.

— Так же, как ваши действия, с́вир.

Альгонде отпустил рукоять меча и, стараясь говорить спокойно, сказал:

— Я думаю, мы оба с вами прекрасно понимаем, что приказ о вторжении в ваш лагерь со стороны генерала Хакто крайне маловероятен, я бы даже сказал — абсолютно невероятен. И хотя я не могу вам предоставить мое слово, я уверен: вы понимаете, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы подобного не произошло.

Со стороны лагеря послышались торопливые шаги и бряцанье оружия. Гилоу оглянулся и увидел, что приближается большая масса людей. Когда они подошли к свету костров, он увидел во главе толпы вооруженных мужчин Ривата Нуареса и молодого Ольмерика, одного из лучших линуэвских мечников, также он разглядел лейтенанта Рейнека. Первый помощник князя быстро оглядел место действия и, приблизившись к своему командиру, прошептал ему на ухо, что рунадские солдаты окружают лагерь, что он приказал поднять всех по тихой тревоге, усилить караулы в четыре раза, добавить новые посты и быть всем при оружии и в готовности. Гилоу молча выслушал его и снова повернулся к полковнику.

— И что все это значит? — махнув рукой в сторону прибывшей подмоги, спросил Альгонде.

— Что именно?

— Зачем здесь столько ваших вооруженных людей, д́омин?

Гилоу пожал плечами.

— Несколько странно слышать подобный вопрос от вас, господин полковник. Вы военный человек и должны понимать, что вряд ли мы спокойно и благодушно будем наблюдать, как многочисленные группы вооруженных людей окружают наш лагерь, беря нас, по сути дела, в блокаду с совершенно неясными для нас целями. Я думаю, вполне естественно, что мы вооружились и бодрствуем. К тому же вы сами изволили заметить недавно, что будущие приказы вашего командования вам неизвестны, то есть ожидать можно чего угодно.

— Я думаю, вы прекрасно понимаете, д́омин, что никто не желает кровопролития, а подобное противостояние лишь усиливает напряжение.

— Полностью с вами согласен, но однако же я думаю, вы согласитесь, что это противостояние начали не мы. И вообще, давайте уже заканчивать. Вот лейтенант Рейнек, он отведет вас к нашим постам в оцеплении.

— Это еще не все. Мне приказано сопроводить вас и одного человека из вашей личной охраны до границ города.

— Хорошо. — Гилоу повернулся к Ривату и остальным. — Ольмерик, ты готов?

Только молодой человек открыл было рот, чтобы ответить на вопрос, как за спиной Гилоу раздался голос полковника Альгонде:

— А также, господин князь, вы должны выдать мне горожан, которых вы приняли в свой лагерь вопреки приказу главнокомандующего.

Ольмерик закрыл рот, так и не сказав ни слова. Гилоу медленно обернулся к полковнику. Князь уже было вполне уверился, что генерал Хакто решил не переступать черты и что они оба понимают, где и в чем следует уступить друг другу, как внезапно все переменилось. Он посмотрел в открытое лицо Альгонде: было очевидно, что тому явно не нравится то, что ему приходится делать, но приказ есть приказ.

— О чем вы говорите? — тихо спросил Гилоу.

— Мне сообщили, что вы пропустили через оцепление около десятка беженцев из Тилла и сейчас укрываете их в вашем лагере. Я имею приказ водворить их обратно в город.

В первый момент Гилоу подумал, что будет проще всего солгать и сказать, что никаких беженцев в линуэвском лагере нет. Да, он совершил ошибку, рассказав о них Хакто, но теперь он может легко все переиначить. Но Альгонде наверняка имел определенные инструкции на этот счет: либо настоять на проверке лагеря, либо потребовать от Гилоу слово офицера, клятву

честью, что это правда. Ни то ни другое его не устраивало. И он понял, что если начнет лгать, то поставит себя и своих людей в глупое и, возможно, опасное положение.

Он оглянулся на Ривата Нуареса. Тот стоял совсем рядом, и по его глазам правитель Линуэвии понял, что тот готов к любому его приказу. Гилоу скользнул по лицам других своих воинов, и везде он видел только одно: они готовы сражаться. Тут он обратил внимание, что его первый помощник в шляпе. Он протянул руку, снял с него головной убор и водрузил его на себя, затем чуть улыбнулся ему и слегка коснулся полей шляпы двумя пальцами. Риват, кажется, все понял и, отступив назад, исчез за спинами своих товарищей.

Гилоу повернулся к полковнику. Тот глядел на него чуть вопросительно: возможно, надевание шляпы именно в этот момент показалось ему странным. А может быть, и подозрительным, если Хакто рассказал ему действительно все, подумал он, но, впрочем, вряд ли генерал стал рассказывать о том, как ему угрожали.

— К сожалению, на этот раз я не могу пойти вам навстречу, — сказал Гилоу. — Эти люди останутся здесь, под защитой линуэвской армии, и вернутся в город только по своему желанию.

Полковник чуть отклонил голову назад, словно хотел взглянуть на собеседника с другого угла, издали, чтобы попытаться понять, что за несурязицу тот только что сказал.

— Эти люди должны вернуться в город немедленно, сейчас. Вы же понимаете: весь смысл того, что мы держим Тилл в окружении, именно в том, чтобы никого не выпускать из него.

— Я понимаю, — согласился Гилоу. — Но произошло так, как произошло, и эти несчастные оказались здесь, в нашем лагере. И они останутся здесь, сколько захотят, и вернутся в Тилл, когда пожелают.

Полковник оглядел своих солдат, стоявших слева и справа от него, и проговорил:

— У меня приказ забрать у вас этих людей, и для всех будет лучше, если вы отдадите мне их без принуждения.

— Не для всех, господин полковник, — с грустной улыбкой произнес Гилоу. — Не для всех.

— Не играйте словами, — резко сказал полковник.

— А вы — жизнями, — так же резко ответил Гилоу.

— Вы угрожаете нам, дѳмин?

— Я говорю о жизнях этих горожан, а не о наших с вами. Это люди, Альгонде, такие же, как мы. Они до смерти напуганы, они только что вырвались из места, где их преследовали и истребляли как животных, и вы хотите, чтобы я отправил их назад? Этого не будет.

— Они должны вернуться, — твердо сказал рунадский офицер.

Гилоу некоторое время разглядывал его, как будто не понимал, кто перед ним. Потом заговорил неторопливо, аккуратно подбирая слова:

— Я знаю тебя достаточно давно, Альгонде Жуан Бройе, доблестный рыцарь Ордена Белой птицы. Ты служил в личной гвардии Её Величества королевы Вероники Рыжей, ты бился на Эдриановом валу против дикой орды голгов, ты сражался и на суше, и на море против кай-хорских пиратов, твоя отвага и благородство восхищают меня, и для меня было честью быть твоим товарищем по оружию в наших общих битвах. Но сегодня ночью я готов обнажить свой меч против тебя и твоих людей, потому что я считаю, что я прав, а ты и твой генерал — нет. И ничто не переубедит меня в обратном. Но прежде чем мы начнем лить кровь друг друга, подумайте вот о чем, господин полковник. Я и мои солдаты будем защищать жизни десятка запуганных и затравленных людей, пусть неизвестных нам, но искавших у нас помощи и защиты, доверившихся нам, — а за что будете сражаться вы? За молчаливое одобрение короля убивать своих подданных, купленное одурманенными от власти жрецами за кровавые деньги? За право быть соучастниками омерзительнейшего заговора против людей иной веры? Постойте, не возражайте, дослушайте до конца. Я знаю, что я погряз в этом так же, как и любой из командиров окружившей Тилл армии, и я не пытаюсь спасением этих десяти человек как-то обелить свое

замаранное теперь имя. Я никогда не позволил бы себе и своим людям участвовать в этом грязном деле, затеянном верховными жрецами и интриганами рунадского двора, но, к сожалению, я не был достаточно дальновиден и прозорлив, чтобы понять, что тут затевается, пока не стало слишком поздно. Однако теперь я сделаю все от меня зависящее, чтобы по крайней мере эти десять маннаев остались живы, — я буду сражаться за них, потому что так мне велит моя совесть, как бы пафосно это ни звучало. И если вы все же решите столкнуть своих солдат с моими, обрекая товарищей по оружию убивать друг друга, я хочу, чтобы вы до конца понимали: это не выбор генерала Хакто, это ваш выбор, только ваш.

Гилоу замолчал. Полковник мрачно смотрел на него. Ему явно было тяжело принять решение. В этот момент сзади к Гилоу подошел Риват и очень тихо прошептал ему на ухо, что лучники готовы и выстрелят, как только князь снимет шляпу.

Наконец Альгонде произнес:

— Вы правы, дѳмин, незачем лить кровь наших солдат. Давайте решим этот вопрос поединком. Если в живых останетесь вы, маннаи не вернуться в город, пока сами этого не пожелают, если в живых останусь я, ваши люди отдадут мне их.

Взгляд Гилоу стал ледяным. Первым его побуждением было скинуть тяжелый плащ и выхватить меч, но он сдержал себя.

Полковник поставил его в сложное положение. Если он откажется от поединка, в этом кто-то недалекий вполне может усмотреть страх, и более того — где-то глубоко его тревожила глупая мысль, что и Альгонде рассчитывает, что он откажется от поединка именно по этой причине. Это было смехотворно, полковник прекрасно знал, что он за человек, но даже легкая тень подозрения того, что рунадский офицер считает его трусом, приводила Гилоу в яростную дрожь. Но если он примет вызов, чего он добьется? Либо он убьет хорошего человека, действительно хорошего, честного и благородного, убьет ни за что и лишь ради выгоды короля и жрецов, либо погибнет сам. В последнем варианте его людям придется столкнуться с весьма тяжелым выбором: или продолжать его волю и защищать маннаев ценой собственной жизни, либо предать то, ради чего он погибнет. Разве он вправе заставлять их делать это? Со всей искренностью души он ненавидел тиллских жрецов и рунадского короля — тех, кто ради собственной наживы заставляли нормальных людей сцепляться друг с другом, как дикие псы.

— Как пожелаете, сэвир, — холодно проговорил Гилоу. — Я готов сойтись с вами в поединке в любой момент, но если я погибну, мои люди продолжат защищать маннаев без меня так же, как и со мной.

Они смотрели друг другу в глаза и не шевелились. У одного был приказ его командира, у другого — приказ его совести, и оба считали неправильным нарушить его. «Будь ты проклят, Хакто, — подумал Альгонде, — ну почему ты выбрал меня?». Полковнику никак не удавалось избавиться от неприятной мысли о том, как бы на него посмотрела Рыжая Вероника, если бы узнала, что её доблестный рыцарь нападает на своих братьев по оружию за то, что они хотят спасти от гибели жалкую горстку перепуганных иноверцев. А что бы сказал командарм Кин-Заро, руководивший обороной на Эдриановом валу, если бы узнал, что один из его лейтенантов пытается обречь на смерть беззащитных горожан и ради этого поднимает меч на своих же людей? Неважно, что они из другой страны. Они сражались бок о бок и были своими — гораздо более своими, чем могут быть жители одного государства; их породнило холодное дыхание смерти, и это родство было гораздо крепче многих уз на этой земле. «Проклятый линуэвец, — подумал полковник о князе, — ты знал, о чем говорить». Внезапно напряжение отпустило Альгонде. Он понял, что на самом деле все просто: он не в силах исполнить этот приказ генерала, и неважно, что будет потом. Трибунал, лишение должности, звания, наград. Может быть, даже казнь, хотя, конечно, это маловероятно: Хакто вряд ли станет позорить себя убийством человека, который отказался обречь на смерть десятков горожан, своих товарищей по оружию и своих подчиненных.

— Кто с вами идет? — спокойно спросил он.

— Что? — немного растерянно произнес Гилоу.

— Кто тот человек, что идет с вами в Тилл?

Гилоу не отрываясь смотрел на рунадского офицера. Осознав, что все кончено и вопрос о маннах, укрывшихся в лагере линуэвцев, закрыт, он еще раз поздравил Хакто — и себя заодно, — что генерал выбрал именно этого человека. Он обернулся к своим людям и, посмотрев на Ольмерика, почти весело спросил:

— Ну что, великий мечник, готов к прогулке?

— Конечно, домин, — улыбнулся молодой человек.

Гилоу посмотрел на своего заместителя и сказал тихо:

— Спасибо, — и коснулся двумя пальцами шляпы. — Я передам ее тебе с Рейнеком, пусть она пока будет наготове, но уже на твоей голове.

Они прекрасно поняли друг друга, и Риват Нуарес чуть заметно кивнул.

8

Лумис стоял, оперевшись левой рукой о фонарный столб, и глубоко дышал, ожидая, пока рассеется туман перед глазами. Как ни странно, сейчас он чувствовал себя не так уж и плохо, просто иной раз находила слабость, голова начинала кружиться и перед глазами плясали цветные пятна.

Где-то на самой периферии зрения, как из тумана, возник человек. Лумису понадобилось время и определенные физические усилия, чтобы заставить свое внимание остановиться на нем. Это был плотный широкоплечий мужчина с гладким полным лицом добропорядочного и успешного горожанина. На его круглой голове несколько раз была намотана яркая золотая ткань, а в правой руке он держал прямую длинную отполированную дубинку.

— ...с его святым воинством. Так что, с кем ты сегодня ночью?

Лумис с трудом сконцентрировался на том, что говорил «желтоголовый», однако начало беседы ускользнуло от него, и он пытался быстро сообразить, чего от него хотят. В это время за спиной «успешного горожанина» появились три его товарища, также с желтыми тряпками на головах и вооруженные разнокалиберными палками. Все они, с печатью глубокого осознания важности собственной миссии на лицах, хмуро и подозрительно глядели на незнакомца.

— Да ты пьян что ли? — прищурившись и чуть наклонившись вперед, поинтересовался «успешный горожанин».

— Ладно, Ролха, идем, — обратился к нему один из «миссионеров», стоявших сзади, — это не маннай. Они так коротко никогда не стригутся.

«Успешный горожанин», которого один из его товарищей назвал Ролхой, пристально всматривался в державшегося за фонарь человека.

Лумис попытался улыбнуться ему. Улыбка вышла вымученной. Правой рукой он залез в прорезь, сделанную в его балахоне на спине и прикрытую специальным накладным клапаном. Его ладонь обхватила рукоять изогнутого ножа. Лумис не мог допустить, чтобы его забили до смерти эти ублюдочные прихлебатели «святых братьев». И не допустит, ни за что. Он так ясно представил себе, как устремляется вперед, немного влево и быстрым плавным дуговым движением рассекает лезвием ножа шею с правой стороны «успешного горожанина», что его начала бить мелкая дрожь от возбуждения и яростного желания сделать это.

Он годами тренировался в ножевом бое с одним или несколькими противниками. Теперь он автоматически фиксировал местоположение каждого из «желтоголовых» и также автоматически вырабатывал траекторию своих движений и своих ударов. На каждого противника по одному, каждый удар должен быть смертельным или по крайней мере выводящим из строя надолго. По шее, по глазам, по животу, по сухожилиям запястий и голеней, по основным артериям. Перемещаться так, чтобы перед ним всегда был только один из противников, прикрывая его от остальных. Они уверены в своей силе и безнаказанности. Четверо здоровых мужиков с палками против одного тощего болезненного вида дрожащего в своем балахоне молодого человека. Эта уверенность делает их невнимательными, несобранными и расслабленными, хоть они и изображают хмурый озабоченный вид, который должен отражать, по их мнению, всю степень возложенной на них ответственности. Но это лишь на поверхности, внутри это просто дикие резвящиеся животные, которые считают, что забивать людей палками — это и есть настоящее достойное развлечение для таких отважных и брутальных самцов, какими они, по собственному мнению, являются. Их надо убить, пока они не напуганы и не собраны, и Лумис знал, что его движения не задержит ни жалость, ни какие-то убогие размышления о том, что эти четверо в общем-то тоже в каком-то роде люди. Для него они были самыми настоящими нелюдьми.

Внимательный взгляд Ролхи превратился в презрительный, улыбка молодого человека показалась ему глупой ухмылкой отупевшего пьянчужки.

— Может, все-таки проверить у него шею? — предложил один из «миссионеров».

Откинутый на спину капюшон и складки воротника балахона надежно закрывали заднюю часть шеи молодого человека — то место, где у маннаев была вытатуирован «инфина».

Лумис поднял взгляд вверх, похлопал ладонью по металлическому столбу и с улыбкой медленно протянул:

— Фона-арь.

— Фона-А-А-арь! — яростно трясая головой и оттопырив губы, передразнил его Ролха. — Дебил синюшный. Тут город от всякой мрази надо очищать, а этот глаза залил и счастлив.

К широкоплечему Ролхе приблизился один из его товарищей. Это был стройный невысокий мужчина лет тридцати пяти. С благообразными чертами лица, пронизательным взглядом маленьких глаз, аккуратной козлиной бородкой и одеянием, в котором явно присутствовала нотка щегольства. Он резко отличался от Ролхи, коего он про себя считал недалеким примитивным мужланом. Несомненно, что о себе он был другого мнения, полагая, что он личность интеллектуальная, прозорливая и утонченная. Лумису хватило одного короткого взгляда, чтобы прочесть все это по лицу козлинобородого. Кроме того, молодой человек заметил, что у него на поясе хороший длинный кинжал с костяной рукоятью. Это, конечно, еще не означало, что его владелец привык и умел им пользоваться, — больше шансов было за то, что он нацепил его на себя ради пущего эффекта, но Лумис тут же поменял направление своей первой атаки. Теперь он был намерен броситься между Ролхой и его утонченным другом и сначала нанести смертельный удар по шее последнего.

— Я все-таки думаю, надо его проверить, — веско и значительно произнес козлинобородый.

Лумис ощутил, как волна дурноты и жара снова накатывается на него. Он испугался: приступ мог помешать ему атаковать, и тогда эти «желтоголовые» вполне могут прикончить его. Он задрожал и на этот раз схватился за столб по-настоящему, чтобы не упасть. Ждать было нельзя, он не должен рисковать своей миссией, — Лумис начал вытаскивать нож.

— Да брось ты его, он же пьянющий, — пророкотал Ролха, — еще сблюёт на тебя.

Он фамильярно обнял козлинобородого за плечи, увлекая его прочь.

— Да даже если он маннай, что с того?! — весело говорил Ролха. — Пусть живет и позорит свой народ. Нам только на руку это.

За своими предводителями поспешили двое остальных поборников чистоты нации. Один из них вдруг резко замахнулся палкой на убогого пьянчужку. Последний глупо икнул и попятился. Желтоголовый ухмыльнулся.

— Вот же скот, — сказал он своему товарищу.

Лумис смотрел им вслед, и пронзительная тоска и страх разрывали ему сердце. Через несколько часов он умрет — это было неизбежно, а эти чудовища будут жить дальше. И страх смерти, и тоска бессмысленности всего, что он делал, наполняли его душу. Он огляделся по сторонам, соображая, где он находится. Это была Звездная улица — одна из самых красивых и романтических в городе. Влюбленные пары часто проходили здесь, мимо цветущих клумб и причудливых фонарей, направляясь к холму на западе Тилла, откуда они наблюдали падающие звезды. В определенные недели их были целые россыпи, в другое же время считалось большой удачей увидеть хотя бы одну. И если влюбленные замечали одинокую искру, они радовались как дети и спешили загадать желание быть вместе навсегда.

Как странно, думал Лумис, одни и те же люди любят звездным небом и забивают до смерти своих собратьев палками. Может быть, кто-нибудь из этой четверки «желтоголовых» тоже гулял здесь со своей возлюбленной, затем сидел с ней на холме и нежно нашептывал ей

на ушко слова о счастье, которое она дарит ему. Но, впрочем, это вряд ли, усмехнулся молодой человек.

Лумис подумал о направлении, в котором ему следует пойти. Он бродил по городу, пытаясь наткнуться на отряд Святой Гвардии, дабы доблестные воители схватили его как ненавистного манная и отправили на «очищение» к жрецам Ра-Адона. Но храбрые гвардейцы все как испарились, и молодой человек решил, что ему стоит подойти поближе к святым святым этого города — к Гелиокону. Он отпустил нож и, оттолкнувшись от фонарного столба, продолжил свой путь.

9

Капитан Лиен стоял, опершись на перила на палубе своей двухмачтовой шхуны «Марине», и глядел в сторону города. Непривычная темнота окутывала Тилл. Гирлянды огней уличных фонарей и окон домов сейчас по большей части отсутствовали. Лишь громада Гелиокона была как обычно ярко освещена. Кроме того, пламя пожаров то в одной, то в другой части города вносило свою лепту в иллюминацию обезлюдившего Тилла. Да еще на пристани вдоль берега горели несколько костров.

У капитана было тяжело на душе. Он прекрасно понимал, что сейчас творится в городе, и чувствовал облегчение при мысли, что между ним и берегом по крайней мере полмили соленой морской воды. Он бы, конечно, с гораздо большим удовольствием вообще покинул бы Тиллскую гавань, но он должен был дожидаться своих пассажиров.

Лиен повидал на своем веку всякого, и нельзя было сказать, что страдания других людей особо трогали его. Но когда до него даже на таком расстоянии доносились крики и в свою подзорную трубу, направленную на очередной возникший пожар, он видел бегущих по крышам людей, тела повешенных и бравые фигуры воинов храма с обнаженными мечами, ему становилось не по себе. Как-то досадно и противно от того, что все это вообще происходит. Его не волновали маннаи как таковые, но было что-то невыносимо гадкое для него в том, что толпы озверелых вооруженных мужиков убивают обычных горожан — людей, которые могут печь хлеб, шить одежду, заботиться о детях, но не умеют защищать себя с оружием в руках.

Кроме того, Лиен искренне не любил жрецов — не только тех, что обосновались в Гелиоконе, а вообще всяких служителей любых культов. Он считал их хитрыми проходимцами, которые устроили свою жизнь за счет обмана и запугивания других людей. Лиен верил, что богов и богинь много и они разные: добрые, злые, — но всех их объединяла одна общая черта. Им не было абсолютно никакого дела до смертных. Люди от начала времен были предоставлены сами себе, и божественные силы никак не вмешивались в их дела. Может быть, потому — холодея от собственных крамольных мыслей, думал Лиен, — что им просто запрещено это делать. И он твердо верил, что у жрецов связей с богами и возможностей что-то получить от них ничуть не больше, чем у любого другого человека. Но обманом, спекуляциями, магическими фокусами и хитроумными толкованиями любых событий в свою пользу они заставляли верить людей, что это не так. Что будто бы они, жрецы, выше обычных смертных и что боги даровали им великую мудрость и частицу своей божественной силы, а главное — наделили их правом говорить от их имени. Это последнее особенно смешило и злило Лиена. Люди, так же как и любые другие представители рода человеческого, а зачастую и в гораздо большей степени погрязшие в похоти, чревоугодии, властолюбии и корысти, вдруг начинают объявлять ему волю богов. Когда он глядел на прихожан, внимающих с восторженными лицами наглым жрецам с маслянистыми глазами, капитану становилось до глубины души омерзительно от осознания человеческой глупости первых и человеческого же коварства последних.

И сейчас, зная о том, что все, что творится в Тилле, инициировано одуревшими от золота и наркотиков жрецами Ра-Адона во главе с давно обезумевшим главным жрецом города Вамирой Онши, Лиен испытывал почти ярость. Но впрочем, это было где-то в самых потаенных глубинах его души. Капитан «Маринэ» давно научил себя сохранять спокойствие в самых невыносимых ситуациях и относиться к большей части того, что случалось в жизни, равнодушно и отстранено. И глядя на пылающий и терзаемый жестокой резней город, он не испытывал особых эмоций. Он просто ждал.

Услышав за спиной шаги, он обернулся. Это был Дюнари, его старший помощник. Капитан испытал положительные эмоции при его появлении: ему нравился этот человек. Дюнари

был высокого роста, широкоплеч, но при этом худ, сутул и бледен. Он не производил впечатления силы и уверенности в себе, но капитан знал, что это далеко не так, и не раз имел возможность в этом убедиться. Дюнари часто высказывал сомнения по всякому поводу, любил взвешивать все за и против, ему не нравились поспешность и необдуманность, но при этом в сложных ситуациях он мог стать быстрым, решительным и опасным. Он обладал немалой физической силой и, кроме того, был весьма опытен в маранском кулачном бою, в результате чего своих противников он отправлял в бессознательное состояние в течение нескольких секунд. Но такое случалось крайне редко: Дюнари был неконфликтным человеком и всячески старался избегать прямых столкновений. Прошлого его было туманно: его отец вроде был маранским пиратом, а мать откуда-то с севера, и её холодная кровь и прирожденная бледность явно победили в нем смуглость и горячность юга. Он не любил говорить о себе, а Лиен и не настаивал. Дюнари прекрасно разбирался в морском деле, чувствовал ветра и течения, умел обращаться с людьми, понимал в навигации, явно любил море и был честным человеком. Капитану этого было более чем достаточно.

Старпом встал рядом с Лиеном и посмотрел в сторону города.

— Не понимаю, — наконец сказал он, — чего мы так возимся с этим далифийцем и его слугой, который, по-моему, порядочный проныра и жулик.

Капитан усмехнулся.

— Да, с ним надо держать ухо востро, а то он твое же добро тебе же и продаст, и ты еще и должен останешься.

— Так может, нам сняться с якоря и уйти отсюда от греха подальше? Неровен час эти жрецы решат, что и корабли в гавани — это собственность храма или что мы тоже еретики и ждем очищения.

— Мы будем ждать писаря и никуда без него не уйдем, — твердо сказал капитан.

Дюнари немного помолчал, затем все же произнес с неудовольствием:

— Сдался нам этот писарь, мы так рискуем из-за него! Ведь договаривались еще вчера отплыть, пока город не закрыли, а он не пришел. Записку только прислал, мол, ждите завтра. Слишком уж он какой-то важный для писаря, вам не кажется? Да и вообще он мне не нравится, ведь даже имени своего не говорит.

Лиен посмотрел на собеседника.

— Да имен-то у него как раз с избытком. Раффа, Алгундек, Таларис, Сиимгор — выбирай любое.

Старпом покосился на капитана и спросил недоверчиво:

— Это что, он так себя называет?

— Да он себя никак не называет: писарь из Харзуанской библиотеки, путешествует по миру, переписывает древние книги — и все. Просто я однажды не выдержал и попросил сказать, как его хоть зовут, и он ответил мне так же, как я тебе. Вот имена, выбирай любое.

— Но согласитесь, это же как-то странно, капитан. Да и откуда у простого писаря столько денег, чтобы по своему желанию гонять целый корабль через полмира?

— Я не знаю, — спокойно ответил Лиен. — Но у нас есть договор, и я точно знаю, что не хочу его нарушать.

Некоторое время оба молчали, затем Дюнари осторожно спросил:

— Вы боитесь его, капитан?

Лиен смотрел вдаль и не отвечал.

— Хочу рассказать тебе одну историю, — сказал он спустя какое-то время. — Это еще до тебя было. Мы стояли в Алгаве, готовились к отплытию, писарь уже был на борту, у себя в каюте, Рон прохаживался по палубе, дышал свежим воздухом. Я следил за погрузкой, и вдруг по трапу поднимаются двое. Оба в длинных ниспадающих одеяниях из ветонского шелка — а может, чего-то другого, но ткань удивительная: черная, струящаяся, переливается. Может,

жрецы какие-нибудь, может, еще кто — оба бледные, словно солнца отродясь не видели, под глазами круги, как фингалы, губы тонкие, синие, пальцы длинные, крючковатые, и ногти черные.

Взошли на палубу, озираются. Увидели меня, поняли что я главный, и подошли ко мне. «Нам нужен Раффа из Ниира», — сказал один из них, и даже не сказал, а будто прошипел. И честное слово, во рту у него я заметил клыки раза в два длиннее обычных, хотя, может, и показалось. А пахло от них так, словно они только что со скотобойни. Я смотрю на них и не знаю, что сказать. Тогда мне писарь еще не сказал, что это одно из его имен, но я сразу о нем подумал. Стою, молчу. «Где он?» — шипит второй.

Солнечный день вокруг, ветерок веет, Алгава шумит, а я как будто в темной холодной пещере стою и чувствую, как по спине мороз ползет. Надо бы сказать им, чтобы убирались вон с моего корабля, а рта раскрыть не могу. Тут Рон подходит, смотрит мне в глаза и говорит, что это, мол, к его господину и их пропустить надо, а я вижу, что ему тоже не по себе. В общем, кое-как выдавил из себя: пусть проходят.

Спустились они втроем вниз, я наверху остался. Продолжаем грузиться. Все закончили. Команда вся на борту, отлив начинается, нужно отплывать. Уже, наверно, с час прошел, как эти в черном у писаря сидят. Я даже спускался вниз, проходил мимо каюты — там тихо, ни шума ни голосов. Поднялся наверх, зову одного из матросов, хочу ему сказать, чтобы пошел, вежливо постучался и поинтересовался, что? эти двое с нами поплывут, а самому аж поплохело при одной мысли об этом. Только рот раскрыл, смотрю — Рон появляется, спрашивает, почему мы не отходим. «А эти двое, — говорю, — что ли с нами останутся?» Он смотрит на меня таким честным открытым взглядом и заявляет, что, мол, они давно ушли и можно плыть. Только не могли они никуда уйти, я все время на палубе был, за исключением того раза, что к каюте писаря ходил, так что они никак не могли пройти мимо меня.

Я матросов у трапа спрашиваю: «Уходили?» Те отрицательно головами качают. «Уходили, уходили, — жизнерадостно говорит Рон, — вы просто не заметили». И в глаза мне так странно смотрит: на лице вроде улыбка, а в глазах холод. В общем, вышли мы из Алгавы, а у меня на душе беспокойно. Как день ясно, что эти два нелюдя где-то на борту. Тогда уговор был писаря в Туниан доставить, и, пока мы туда не доплыли, я просто места себе не находил. Спать ложился — в одной руке кинжал, в другой сабля.

Как только в Туниан приплыли и писаря с его слугой высадили, я корабль весь сверху донизу обыскал. Ничего не нашли: ни живых нелюдей, ни мертвых, ни хотя бы частей их тел — если писарь их, конечно, не съел. Шучу. Хотя тогда я был готов верить во что угодно. Если писарь и его слуга убили их, то куда они дели тела — непонятно. Даже если разрубили на мелкие части и потом как-то выбросили в море, это бы оставило кучу следов, да и не могли они сделать это незаметно: я глаз с них не спускал во время плавания, и матросы мои все взвинченные были, тоже за ними следили. В общем, вошли эти двое в каюту к писарю и исчезли из этого мира. Правда, потом при повторном осмотре его каюты я заметил на полу едва заметные пятна, как бы обугленные, словно здесь что-то жгли, а потом старательно затерли. — Капитан покачал головой. — Вот так-то.

— И после такого вы считаете, что нам стоит иметь дело с этими людьми?

Лиен пожал плечами:

— А почему бы и нет. Я уже, наверно, лет пятнадцать имею дело с писарем, и он всегда честно и исправно оплачивал свои путешествия. Да причем в таком размере, что мне выгоднее возить по свету этих двоих, чем груз какого-нибудь зерна, вина, масла или благовоний — особенно рискуя тем, что груз будет попорчен, или вдруг на него упадут цены, или его отберут пираты. А кроме того, — капитан сделал паузу, как бы для того, чтобы придать весомость тому, что он собирался сказать, — с этим человеком на борту у нас всегда отличный попутный

ветер. Всегда. И за все время, что мы перевозили его, мы никогда не попадали в более-менее серьезный шторм.

Дюнари удивленно воззрился на него.

— Что вы хотите этим сказать? Что он — кто?

— Я не знаю. Может быть, он один из Восемнадцати Бессмертных.

Дюнари улыбнулся.

— Ну конечно! И этот Рон тоже?

— В сущности, этот парень не такой уж плохой человек. Жадный, конечно, но по большому счету добродушный и веселый — особенно когда это не касается денег. А кроме того — вот как ты думаешь, сколько ему лет?

Дюнари сделал неопределенный жест рукой:

— Двадцать семь — двадцать восемь. В общем, не старый еще.

— Ага, не старый. Тогда выходит, пятнадцать лет назад, когда я впервые увидел его, он должен был быть юным паренком лет двенадцати–тринадцати, правильно?

— Правильно.

— А он тогда выглядел абсолютно точно так же, как и сейчас. Вот просто один в один. Ни моложе, ни старше.

Дюнари с недоверием воззрился на хозяина «Маринэ».

— Можешь не верить, — спокойно сказал капитан. — А можешь спросить у Альвика или Баруга — они и тогда плавали со мной. А можешь прослужить у меня еще лет тринадцать и убедиться в этом сам.

— Вы что, серьезно хотите сказать, что слуга этого писаря — бессмертный? А тогда сам писарь кто?

— Я говорю только то, что вижу. Я не знаю, кто такой писарь. Он всегда выглядел безвозрастным человеком в летах. Пятнадцать лет назад он выглядел так же, как и сейчас, но в случае с пожилым человеком это не так явно бросается в глаза — особенно для молодых людей.

— Капитан, вы все это серьезно? Я плаваю с вами уже два года, и вы впервые мне рассказываете об этом.

— Ну, ты особо не интересовался, а сейчас подходящий случай, чтобы рассказать. Тебе ведь интересно, почему мы торчим возле этого города, рискуя тем, что жрецы со своей сволочной гвардией заявятся к нам и объявят корабль и все, что на нем, святой собственностью Ра-Адона, а заодно и Вамира Онши, а все недовольные по-быстрому пройдут обряд очищения от скверны и отправятся кормить рыб? Так вот: мы торчим здесь, потому что я предпочту иметь дело с толпой одуревших от крови гвардейцев под предводительством наркоманов-жрецов, чем нарушить договор с тем, кого мы с тобой называем писарем.

Дюнари пристально посмотрел на капитана и ничего не сказал.

— Однажды писарь захотел сплавать на остров Ревуна, — тихо и как бы нехотя проговорил Лиен. — Ты слышал о нем?

Старпом поежился.

— Разное о нем говорят. Одни твердят, что там вход в подземный мир и там полно оживших мертвецов, другие — что там обосновались колдуны-каннибалы, третьи — что это проклятое место, где люди теряют свои души, а четвертые — что его вообще не существует. Но еще больше я слышал о Туманном море, которое окружает этот остров. Место настолько гиблое и опасное, что даже кайхорские пираты обходят его стороной.

— Ну так вот, мы поплыли туда.

— Вы были на острове Ревуна? — почти шепотом, изумленно спросил Дюнари.

— Нет, на сам остров писарь высаживался один, даже Рон не ходил с ним. Мы ждали его милях в десяти от берега, холодея от ужаса и почти не разговаривая. Но я хочу рассказать тебе

о том, что случилось, когда мы плыли туда. Скажи, ты видел когда-нибудь кого-то из морского народа вблизи?

Дюнари отрицательно покачал головой:

— Нет, только издали, в воде или на камнях. Они не любят, когда к ним приближаются, а уж и дураку ясно, что лучше не делать того, чего они не любят.

— Согласен. Так вот, мы шли на юго-запад по Туманному морю с приличной скоростью, узлов так семнадцать. Ветер устойчивый, солнце все время в какой-то дымке, море спокойное. Но в этом зловещем месте всегда как-то не по себе — как будто нутром чувствуешь, что не стоило бы тебе соваться сюда.

И вдруг ближе к вечеру мы начали терять скорость. Паруса натянуты, мачты скрипят, а корабль сбавляет ход. Глубину меряем — дна не достать. На небе все дымкой затянуто, но вокруг все достаточно далеко просматривается. И ничего вокруг нет. До ближайшей земли миль сорок, а до Ревуна и все сто. Хотя, конечно, я не очень-то доверял картам, где этот остров нанесен, но на что-то нужно было ориентироваться.

Я смотрю: на палубе и сам писарь появился, и лицо у него какое-то встревоженное. Стоит у самого борта и в воду глядит. Мне и без него было невесело, а при виде его озабоченного лица и вовсе не по себе стало. Подхожу к борту рядом с ним и тоже смотрю вниз. Возле шхуны что-то слишком много мелкой рыбешки появилось. И вдруг мы оба увидели, как из воды на борт вылез бледный морской паук размером наверно как с два кулака. У меня сердце обмерло. Мы с писарем посмотрели друг на друга, и в его глазах я увидел тот же ужас, что, наверно, и он в моих.

А корабль все останавливается, мачты уже трещат. Я горло прочистил и давай приказы выкрикивать, чтобы паруса немедленно убирали. Писарь тем временем на корму побежал. В общем, корабль замер. Представь себе: не просто в дрейф лег, а словно мы четыре якоря со всех сторон сбросили или на скалу налетели. Но никакого удара не было, мы просто остановились. Я взбежал на ют, хотел писаря спросить, что происходит. Он куда-то за корму смотрит, и лицо бледное как снег. И запах такой вокруг омерзительный — какая-то дикая смесь протухшей рыбы и сгнивших водорослей. Я на море посмотрел и увидел за нами локтях в ста какое-то огромное темное склизкое пятно, распластавшееся под водой и кое-где выступающее из воды.

Писарь на меня посмотрел и говорит:

— Пусть все с носа уйдут.

— Что? — спрашиваю.

И тут за спиной слышу крики и проклятия матросов. Слетаю с юта, бегу на бак, прорываюсь сквозь спины матросов и останавливаюсь. Весь нос усеян огромными морскими пауками — полсотни, наверно, и еще через борт лезут. Матросы тихо молятся, каждый своему богу, я уж и сам давай Ра-Адона вспоминать и думаю про себя: если вернусь отсюда живым, никаких дел больше с этим проклятым писарем. Он как раз протиснулся сквозь ребят, за ним Рон маячит на смерть перепуганный.

— Пусть все уйдут, кроме тебя, — тихо говорит писарь.

— Куда уйдут? — со злостью спрашиваю. — В море?

— На корму. Пусть все уйдут на корму, и ты, Рон, тоже. Мы останемся здесь вдвоем.

Я смотрю на него сердито и приказываю своему старпому увести всех на ют. И остались мы вдвоем — всех как ветром сдуло. Стоим возле фок-мачты и посмотрим, как эти паучьи твари живым ковром по палубе на баке стелятся. Сердце у меня как молот стучит, хочу спросить писаря: это что, гигантский спрут в шхуну вцепился и там за кормой болтается? А рта раскрыть не могу — вонь такая вокруг, что противно рот открывать.

Писарь ко мне поворачивается и спокойно так говорит:

— Лиен, сейчас сюда придет кто-то из морского народа. Я постараюсь убедить его пропустить нас. И если он согласится, он потребует увидеть капитана. Ты стой здесь, и когда я тебя поманю рукой, подойдешь ко мне и встанешь возле правого плеча.

Я аж дар речи потерял — ничего себе заявочка, да? Смотрю на него обалдело.

— Не бойся, — говорит он, — они не заберут тебя, просто капитан для них — сакральная фигура, что-то вроде проводника и хранителя корабля, который в их представлении маленький остров, то есть маленький мир. Он просто захочет увидеть тебя, заглянуть тебе в душу, если выразаться метафорически. Не бойся. Просто стой возле меня.

Я остоленел. Страх перед морским народом и злость на этого человека раздирали меня. Я собрался осыпать его проклятиями, но тут услышал с носа скрежет, скрип и хлюпающие звуки. Повернул голову и, наверно, впервые в жизни понял, что от страха действительно можно умереть. Мой разум, моя душа сжались в маленький тугой комок, я был не в силах ни думать, ни шевелиться — вообще ничего. Я просто смотрел, окаменевший от ужаса и омерзения, и от осознания того, что все это происходит на самом деле.

Я всегда думал, что морской народ — это вроде как обычные мужчины и женщины только что с плавниками и странными цветными волосами. И вроде когда я разглядывал их в подзорную трубу далеко в море или греющихся на камнях, они такими и были. Но в той твари, что перевалила через форштевень моего судна, не было ничего человеческого. Росту в нем было локтей десять, весь буро-зеленый, пупырчатый, в каких-то наростах. Ног как таковых не было — вместо этого что-то вроде огромной толстой складчатой кожаной юбки, гроздь мелких щупалец на туловище, из которых выделялось две больших конечности, которые, наверно, можно было считать руками. Только пальцев на них не было, а что-то вроде очень подвижных и гибких плавников, которые он мог сворачивать и разворачивать самым немыслимым образом. Но самое страшное, что наверху его тела покоилась покрытая, наверно, десятком рогов голова, и там в складках и буграх угадывалась жуткая пародия на человеческое лицо. Глаза огромные, желтоватые.

Эта тварь с громким шлепком опустилась на палубу прямо в копошившееся месиво морских пауков. Они тут же зашевелились, а некоторые даже залезли на него. Я уж человек на что не впечатлительный, но меня просто наизнанку выворачивало от этого зрелища. И представь: писарь идет к этому чудовищу и становится перед ним, задрал голову, чтобы смотреть в его желтые глаза. И во имя синей бороды Элриха — они разговаривают! Но очень тихо, я не могу разобрать слов. Чудовище иногда начинает дрожать и сотрясаться, и эти его движения как будто эхом отдаются и проходят по живому ковру морских пауков. Вонь вокруг такая, что кажется, ее можно плотать, и в глазах щиплет.

Каждый раз, когда чудовище сотрясается, мое сердце замирает: мне кажется, что он сердится и сейчас окончательно разъярится и сметет с палубы сначала писаря, а затем и меня. Со мной моя сабля, и я с трудом, словно прорываясь сквозь плотное покрывало, вспоминаю о ней и представляю, как можно сражаться с этим монстром. Мне кажется это немыслимым, но я почти заставляю себя думать, что это возможно, если тебе достанет силы и решимости сделать это. Но с другой стороны, я и не представляю, на что способна подобная тварь, да к тому же пауки, мне кажется, слушались его как ручные. Они могли просто облепить человека и обглодать его в один миг, я думаю.

Слава светлому Ра-Адону, нам не довелось узнать, правда ли это. В какой-то момент, не поворачиваясь, писарь делает мне рукой знак приблизиться. На ватных ногах иду вперед, изо всех сил стараясь не наступить на пауков. А они так и липнут. Не знаю на что смотреть — вокруг сплошной кошмар, единственное что-то человеческое — это сам писарь: гляжу на его спину и больше никуда. Дохожу до его плеча и останавливаюсь. Вонь уже не ощущаю, чувствую только глухую пульсацию где-то перед собой, словно в теле чудовища бьется огромное сердце

— но что-то сомневаюсь, что в нем было сердце. Затем издалека приходят слова: «Посмотри на меня, капитан». Я даже не знаю, услышал их ушами или как-то еще, но услышал.

Лиен замолчал. Дюнари нетерпеливо ждал продолжения, но его не было.

— И что случилось? — спросил он наконец.

— Я поднял голову и посмотрел. Тварь действительно заглянула мне в душу, а потом убралась обратно в бездну, откуда явилась. Пауки ушли вслед за ней, и неведомая сила отпустила шхуну. Вот и всё.

Старпом, широко распахнув глаза, пялился на капитана.

— Всё?

— Да.

— Так это же черт знает что такое, — потрясенный услышанным, промолвил Дюнари. — Кто же он такой тогда? — и с благоговением предположил: — Может, он это... тоже кто-то из Морского народа?!

Лиен покосился на молодого мужчину и вдруг хлопнул его по плечу и рассмеялся:

— Да пошутил я, едрёна мать! Ох, Дюнари, ну ты и простота душевная. Я от Баруга узнал, что матросы тебя вечно какими-то байками завиральными потчуют и ты веришь всему как лопоухий юнга, который ещё ни разу не брился. И в гигантскую медузу, которой вэлуонцы свои города по ночам освещают, и в кита, на котором иллирийцы бочки с вином между островами возят, и даже в говорящего дельфина, с которым Альвик в кости играл. Вот хотел сам убедиться. Э-эх, Дюнари! Как дитё малое, ей-богу. Ну нельзя же так, в самом деле. Ты же все-таки старпом.

Дюнари, помрачневший и пристыженный, хмуро пробормотал:

— Что ж, выходит, всё сбrehали про этого писаря? И про то, что этот Рон не стареет? И про чудище из Туманного моря?

— Ну конечно! Я знаю их всего года три. Писаря зовут Ранук, и он просто богатый бездельник, который катается по миру и книжки какие-то там заумные переписывает. Считает себя великим мудрецом. Вторым Сократом.

— И про тех двоих, что в его каюте исчезли, тоже сказки?

— Тоже. Но ты давай волком не гляди. Это тебе наукой будет. Впредь будь умнее.

Дюнари отвернулся и посмотрел на темную воду.

— Пойду сейчас Альвику рылю начищу, — угрюмо сообщил старпом. — Он мне, гад, пять денариев должен. Сказал, отдаст, как только ему дельфин Эйл карточный долг вернет.

«Какой, однако, дурень», — глядя вслед уходящему мужчине, подумал Лиен. — «Хотя и славный парень».

Лиен ощущал досаду: ведь знает же, что надо язык за зубами держать, но нет, так и тянет всё рассказать. Он поглядел на темный Тилл с пятнами пожаров. Если этот треклятый писарь не выберется из города, то, может, оно и к лучшему.

10

Эльнас и Рон спустились в просторный холл Тиллской библиотеки. Рон подошел к двум кулям, сваленным у стены, и принялся развязывать их. Только он закончил с одним, как старик спокойно произнес:

— Кто-то идет сюда.

Рон отвлекся от своего занятия и прислушался. Снаружи, по мраморным ступеням, стучали тяжелые шаги нескольких человек. Он стремглав бросился к большой высокой конусовидной двери центрального входа и выглянул в маленькое, забранное толстым стеклом и узорчатой решеткой окошко.

— Чтоб им пусто было! — громким шепотом выругался он. — Святые братья пожаловали, человек шесть.

Расширенными глазами он вопросительно посмотрел на старика. Тот равнодушно пожал плечами и сказал:

— Ладно, я все равно собирался ещё к Хранителю зайти. Ты тут разберись с ними и, как закончишь, позови меня.

Эльнас направился в один из коридоров и вскоре исчез за высокой тяжелой дверью. Рон растерянно глядел ему вслед, как будто не понял, что он сказал, но требовательный стук незваных гостей привел его в себя. Он бросился к двум кулям с обмундированием и утащил их за большой длинный мраморный стол, на котором были разложены в раскрытом виде разнокалиберные книги, свитки и глиняные дощечки. После этого, одернув камзол и придав своему лицу подобающее выражение доброго и услужливого библиотекаря, поспешил к центральному входу.

Гвардейцы, грубо оттолкнув его, толпой ввалились в помещение.

— Ты какого рожна медлил?! — громовым голосом поинтересовался самый рослый из них.

Рон закрыл тяжелую дверь и, выбежав вперед, пред очи святого брата, бодро отрапортовал:

— У стеллажей был в одном из хранилищ, свитки разбирал, никак не ожидал столь позднего визита. Спешил как мог, святой брат.

Гвардеец с подозрением разглядывал молодого служителя библиотеки. Рон распахнутыми честными глазами смотрел на гвардейца.

Слуга старого мага узнал стоявшего перед ним человека. Он видел его в одной из таверн города. Это был капрал Мелунвин — высокий, пышущий здоровьем и силой тридцатилетний мужик, с круглым привлекательным розовощеким лицом, подернутым брутальной щетиной. Коротко подстриженный, в красивой форме и с длинным мечом на широком поясе, он выглядел весьма внушительно, а для дам, наверно, даже неотразимо. Однако Рон запомнил его вовсе не из-за его импозантного вида, а того хамского и непристойного поведения, коим он «украсил» тогдашний вечер в таверне.

Доблестный гвардеец много пил и часто выдавал громогласные тосты. Вначале это были окрашенные патриотизмом и верноподданничеством сентенции типа: «За великую Рунаду!», «За Его Величество Элджина Комвина, самого справедливого короля во всех семи королевствах!», «За благочестивого Вамиру Онши!», «За храбрых гвардейцев Гелиокона!». И все его сотоварищи, коих за длинным столом было не меньше десятка, как один во всю мощь своих глоток вторили ему: «За великую...», «За справедливого...», «За благочестивого...». Но по мере того как мозг капрала все больше и больше тонул в тумане алкогольного разгула, провозглашаемые тосты стали плавно смещаться в сторону пошлости и непристойности. «За то, чтоб

стоял до гроба!» — с хохотом орал Мелунвин. Потом поднимал свою здоровенную кружку и кричал: «За смуглые ляжки дикой Айзиры!», потом — «За белые груди синеокой Брунгильды!».

О том, что этот рослый разудалый парень именно капрал Мелунвин, а не кто-либо иной, находящиеся в главной зале таверны люди узнали от него самого. Доблестный гвардеец помногу пререкался и спорил со своими товарищами по попойке и иногда, раззадоренный очередной перепалкой, вскакивал с места и начинал дико орать: «Да чтобы я, капрал Мелунвин, ливший кровь за истинного бога, якшался с проклятыми еретиками с Сапожной улицы?!» или «Да чтобы я, капрал Мелунвин, командовавший тремя десятками гвардейцев при заварухе у Черной мельницы, слушал приказы какого-то толстомордого казначея?!» или «Да чтобы я, капрал Мелунвин, раненный в бедро при осаде Киенборского замка, разгружал кирпичи?! Да пошел этот Ямнус куда подальше!».

Эльнас Велонэ и Рон мирно ужинали в той же таверне, за крохотным столиком возле стены. Старый маг не обращал никакого внимания на крикливого святого брата и лишь иногда недовольно морщился, когда тот начинал орать по-настоящему громко. Рон же, напротив, не отрывал глаз от гвардейца, с интересом наблюдая за ним как за каким-нибудь диковинным животным. В какой-то момент капрал Мелунвин поймал молодую служанку, разносившую еду и выпивку, и начал недвусмысленно обнимать ее и лезть огромными ладонями под платье. В конце концов он повалил девушку спиной на стол и под радостный хохот и подзадоривание своих приятелей пытался взгромоздиться на нее. Служанка отбивалась как могла, но силы были явно не равны. Рон даже есть перестал, наблюдая за этой сценой и с нетерпением ожидая, чем это кончится. Никто из посетителей не собирался спешить на помощь служанке, и невменяемый гвардеец, кажется, вполне мог довести свой замысел до конца. Однако в какой-то момент молодой девице удалось со всей силы врезать коленкой в пах насильника, и тот, мгновенно потеряв к ней интерес, яростно закричал и сложился пополам. Товарищи Мелунвина просто задыхались от смеха, глядя на его искаженное от острой боли лицо. Девушка оттолкнула его в сторону и бросилась бежать. Капрал от ее толчка качнулся куда-то назад, сделал по инерции несколько быстрых шагов и упал на загорелого матроса за одним из соседних столов. Матрос пролил на себя полкружки вина и тут же выместил все свое негодование на доблестном гвардейце Гелиоконе. Дело начало принимать серьезный оборот.

Придя в себя от хорошей зуботычины, сплевывая кровь и немного протрезвев, славный капрал выпрямился во весь свой рост, недобро глядя в сторону матроса. Мелунвин принялся яростно хватать правой ладонью рукоять своего меча, позабыв, что он безоружен. Он неотрывно смотрел на обидчика, упрямо захватывая рукой воздух в районе своего пояса. Кто-то из его шутников-приятелей осторожно приблизился к нему с левой стороны и подсунул под его правую ладонь увесистую телячью ногу. Почувствовав нечто материальное в своей руке, капрал крепко схватил свое новое оружие и бросился на врага. Товарищи Мелунвина падали на стол и хрипели от смеха, видя, как их приятель, вздымая над собой телячью ногу, решительно идет в бой. Рон поднялся с места, чтобы не пропустить ни одной детали происходящего. Однако Эльнас был сыт по горло всей этой душной прокуренной залой с ее дикими обитателями, и потому, бросив на стол несколько монет, направился к выходу. Рон, естественно, последовал за ним, успев все же напоследок увидеть, как славный капрал крушит недругов своей верной телячьей ногой.

И теперь Рон разглядывал Мелунвина с интересом.

Остальные подчиненные капрала разбрелись по просторному холлу, осматриваясь по сторонам. Они разглядывали мозаичный узор мраморного пола, белоснежные статуи в резных нишах, изящные позолоченные канделябры, книги и свитки, лежавшие на длинной каменной столешнице.

— Ты кто? — строго спросил Мелунвин.

— Младший писарь архивного отдела Тиллской библиотеки, — без запинки ответил Рон.

— А имя у тебя есть, младший писарь?

— Нивнулем.

Старый маг однажды сказал Рону, что если присвоить себе перевернутое имя человека, то можно почувствовать его скрытые мысли и этот человек не сможет причинить тебе вреда — но только если он не догадается, что это его имя. Сейчас Рон уже не верил в эту басню, ибо много раз делал это и никогда ничьих мыслей не узнавал, но все же использовал этот прием, будучи уверенным, что удалой гвардеец не поймет, что это за слово.

— Святой боже, ну и имечко! Похоже, твоя мамашка не очень-то была рада твоему появлению, — с содроганием произнес капрал. — Это ж что ж за имя-то такое?

— Далифийское, — ответил Рон, подумав, что такой ответ будет вполне безопасным.

В Далифии, как и в Рунаде, главным почитаемым божеством был солнечный Ра-Адон. Так что, по мнению Рона, у капрала не должно возникнуть неприязни на межнациональной почве. Гвардеец пристально смотрел на него.

— Ты маннай? — грозно осведомился Мелунвин, и остальные, услышав это слово, повернулись к ним.

— Да что вы такое говорите, святой брат! — обиженно проговорил Рон. — С молоком матери впитал я веру в сияющего владыку всего сущего, всемилостивейшего Ра-Адона, и никогда в жизни ни на шаг не отступал от истинной веры.

— А если я твою шею проверю? — уже не так грозно спросил капрал.

— Зачем?

— А вдруг там знак Манна?!

— Вы имеете в виду знак Алмазного Дракона Солки? — уточнил Рон.

— А ты, гляжу, много об этом знаешь, — тут же преисполнившись подозрения, заметил капрал.

— Ну, во-первых, об этом в Тилле знают все, а во-вторых, я работаю в библиотеке и много читаю. Так что, согласитесь, святой брат, нет ничего удивительного, что я знаю разные вещи.

— Повернись, — зловеще приказал гвардеец, выразительным жестом положив ладонь на длинную рукоять своего меча.

Рон быстро повернулся, чтобы скрыть мимолетную улыбку, возникшую, когда он представил, как внушительный грозный воин многозначительно кладет руку на висящую на своем поясе телячью ногу.

Убедившись, что перед ним не злобный и коварный еретик, капрал успокоился. Он взял младшего писаря за плечо, повернул лицом к себе и сказал:

— Ладно, Нив-нув... тьфу ты, чтоб тебя, говори, сколько вас здесь.

— Кого нас?

— Не играй со мной, — строго предупредил Мелунвин. — Вас — писарей и кто тут еще есть.

— Тут только я и главный хранитель, досточтимый мастер Лиен Маринэ — человек глубокой мудрости и обширных познаний, человек, у которого иногда спрашивает совета даже великий магистр Вамира Онши.

У Рона мелькнула тревожная мысль, что он слишком уж вольготно играет именами: гвардеец вполне может знать, как зовут главного хранителя Тиллской библиотеки. Но капрал никак не отреагировал, услышав комбинацию из капитана и его корабля.

— И где хранитель?

— В своем кабинете, конечно.

— И больше здесь никого? — раздраженно спросил Мелунвин.

— Никого.

— А если мы обыщем библиотеку?

Рон равнодушно пожал плечами.

— Поступайте как считаете нужным. Только имейте в виду: в библиотеке семнадцать читальных залов, шесть основных хранилищ, три больших архива и восемь малых, четыре скриптория, личные покои главного хранителя и еще около сотни служебных помещений, включая комнаты переписывания и реставрационные мастерские. Боюсь, что теми силами, что вы располагаете, святой брат, вам понадобится около месяца, чтобы детально все это обследовать.

Капрал отстранился, точно желая рассмотреть молодого писаря под другим углом.

— Так ты, значит, работаешь здесь? — спросил он.

Вопрос показался Рону идиотским, и вообще весь этот капрал стал утомлять его. Ему хотелось как можно скорее очутиться в уютной каюте на «Маринэ», а значит, как можно скорее нужно было заканчивать этот разговор.

— Младшим писарем, — ответил Рон.

— А как ты попал сюда?

— Обуянный любоумудрием, пришел я в пятнадцать лет...

— Чем-чем обуянный?

— Любо-мудрием, — отчетливо произнес Рон и расшифровал для надежности: — Любью к мудрости.

— М-м-м, — понимающе протянул капрал, — хочешь самым умным стать. А зачем? Ведь так и состаришься здесь среди своих пыльных книжонок и ветхих свитков. — Капрала явно тянуло на философствование, и Рон расслабился, понимая, что не в силах помешать ему. — Ты хоть девку когда-нибудь щупал?

Молодой человек утвердительно кивнул головой.

— Да, в анатомической комнате во время вскрытия. Мы изучали строение внутренних органов.

Мелунвин внимательно посмотрел на писаря и только сейчас наконец приступил к тому, ради чего они, собственно, и пришли сюда.

— Мы ищем одного человека, — веско произнес он. — Он отъявленный еретик, смутьян и богохульник, а кроме того, злоумышляет против жрецов лучезарного Ра-Адона и королевской власти. Также он большой охотник до всего этого, — он обвел рукой холл библиотеки, — и потому мы здесь. Ты видел кого-нибудь подозрительного?

— Нет, — с самыми честными на свете глазами ответил Рон.

— Этот человек может выглядеть вполне нормально, а на самом деле он злодей и убийца, грязный чернокнижник и душегуб. В темных глубоких пещерах он мучил и истязал людей. Он сдирал с мужчин кожу, вырезал у женщин груди и чрево и пил кровь младенцев, а потом съедал всех их.

— Не может быть! — потрясенный услышанным, проговорил Рон. — Как же только земля носит подобного нечестивца!

— Вот представь себе, — довольный произведенным эффектом, сказал Мелунвин. — Его несколько раз ловили и даже пытали, но он все время умудрялся сбежать благодаря черному колдовству и злым демонам, которым он принес в жертву сотни невинных жизней. Но зато теперь у него следы пыток на руках и ногах, жуткие длинные шрамы, нос у него сломан, одно ухо откушено, а глаза разного цвета.

— Какое чудовище, — с содроганием проговорил младший писарь.

— И он все время грызет свои пальцы до крови, ибо его мучит постоянный колдовской голод человеческой плоти.

— Фу, — с омерзением сказал Рон.

— И еще, он это... яблоки любит до безумия. Закусывает ими человечину.

Рон, раскрыв рот, неотрывно глядел на капрала и спрашивал себя: это действительно гвардейцам дали такое описание его хозяина или это отсебятина Мелунвина? Но то, что он услышал дальше, поразило его еще больше.

— Говорят также, что он взял себе в ученики какого-то уродливого далифийца. На спине горб, ноздри в разные стороны, брови сросшиеся, зубы кривые. В общем, не человек, а настоящий гоблин. И этот монстр помогает своему господину во всех его богомерзких делах. Особенно часто его заставляли за разграблением могил. Он вырывал мертвецов и выдирает у них то ногти, то волосы, то еще какую-нибудь часть, которую его хозяин использовал в колдовстве.

Рон никак не хотел верить, что речь идет о нем, но других помощников у Эльнаса Велонэ не было, и значит, как ни крути, гвардеец говорил именно о нем. Кроме того, Рон действительно был далифийцем.

— Так-то вот, Нум-нум, — усмехаясь, проговорил капрал, будучи уверенным, что он поразил жалкого писаришку до глубины души. — Пока ты тут в носу ковыряешь над своими книжками, такие чудовища по свету гуляют. Значит, говоришь, не было никого?

Капрал сделал несколько шагов по холлу по направлению к мраморному столу с экспонатами библиотеки. Остальные гвардейцы скучали возле стен, вдоволь насмотревшись на все вокруг. Рон повернулся, наблюдая за Мелунвином, и ощутил беспокойство. Капрал зашел между столом и стеной и начал неторопливо продвигаться вглубь, осматривая лежавшие на столешнице предметы. Рон, не двигаясь с места, следил за ним, понимая, что если Мелунвин заглянет под стол и найдет кули, он, конечно же, пожелает узнать, что там. И вряд ли капрал спокойно отнесется к тому, что там два комплекта гвардейской униформы с оружием.

Мелунвин остановился возле одной из книг, как будто заинтересовавшись ею, хотя и смотрел на неё вверх ногами.

— Ням-ням, подойди сюда, — позвал он младшего писаря.

Ему определенно нравилось коверкать имя служителя библиотеки, но Рона это не трогало, ведь таким образом капрал издевался над своим именем, пусть и перевернутым. Молодой человек приблизился, встав у стола напротив рослого гвардейца.

— Что это? — спросил Мелунвин, взглядом показав на раскрытую книгу.

Рон опустил глаза, дабы узнать, о чем его спрашивают, а в следующий момент капрал схватил его за грудь и припечатал к столу. Потом перевернул его на спину, левой рукой захватил подбородок, закинул голову Рона назад, а правой вытащил кинжал с тяжелым набалдашником. При этом стоявшие в стороне гвардейцы, как по команде, подскочили к молодому человеку и вцепились в его руки и ноги.

— Ты что, сука, дурачка себе нашел?! — злобно заорил дюжий капрал. — Я тебе сейчас все зубы выбью, нивнулем недоношенный! Думаешь, я тупой, а?! Тупой?! Младший писарь нашелся, семнадцать залов, три архива... Я тебе пальцы переломаяю, гаденыш глумливый! Думаешь, я не знаю, что к чему здесь? Думаешь, в библиотеке никогда не был? Ты у меня сейчас эти книги жрать будешь, вертижоп губастый! Мудролюб обуянный, думаешь, я не понял сразу, кто ты?! Отвечай, где второй! Быстро, мразь!

Капрал орал свой дикий монолог прямо Рону в лицо. Тот был ошеломлен и растерян, и почему-то лишь две вещи занимали его разум: та, что Мелунвин все же запомнил имя младшего писаря и мог легко повторить его, а вторая вещь — почему от капрала так сильно пахло можжевельником. «Видимо, он недавно щедро приложился к можжевелевой настойке», — решил молодой человек.

Тем временем Мелунвин входил в раж, и тяжелый набалдашник на конце рукояти кинжала угрожающе маячил над лицом Рона. Последний все еще пытался убедить себя, что это блеф, дешевый прием всеобъемлющего запугивания, чтобы сбить человека с толку и узнать, действительно ли он говорит правду. Но вдруг капрал резко ударил его. Правда, не по зубам, а в живот, но Рон тут же потерял способность рассуждать. Боль волной обдала его брюшную

полость и застряла где-то в нижней части грудной клетки. Молодой человек резко выпучил глаза и инстинктивно попытался сложиться пополам, но руки святых братьев не дали ему это сделать.

— Отвечай, гнида, где второй! — орал Мелунвин, вновь поднимая руку.

Спутанные мысли дико заплясали в голове Рона. Капрал все знал. Конечно же, он легко раскусил его ложь, он знал настоящее имя хранителя, знал, что писари не носят суконные камзолы и темные штаны, знал устройство внутренних помещений библиотеки («семнадцать залов, три архива») — он сразу все понял. И когда рассказывал про жуткого гоблина-помощника, он, конечно же, издевался, зная, что говорит о стоявшем перед ним человеку, и насмешливо наблюдая за его реакцией. Капрал оказался проницательным и умным человеком.

Сжавшись в ожидании второго удара, Рон почти закричал: «Он в кабинете, в кабинете хранителя, он там!». Но вместо этого, вспомнив в последний момент телячью ногу вместо меча, умоляюще завизжал:

— Прошу вас, не бейте, господин! Во имя всемогущего Ра-Адона, во имя светлоокой Гайи, его святой дочери, во имя премудрого Вейна и благородного Паламира, клянусь, я не понимаю, о чем вы говорите! Я Нивнулем, служу здесь младшим писарем уже три года, мои родители из Далифии, но дед мой из Тилла! Он был каменщиком, выкладывал часть Звездной улицы! Каждый десятый день я делаю подношения в Гелиоконе! Я верный подданный Его Величества Элджина Великодушного, мой брат был ранен при осаде Киенборского замка, и я два месяца выхаживал его! — Младший писарь уже почти плакал.

Рука с кинжалом ушла в сторону. Командир отряда сделал знак, и гвардейцы подняли молодого человека на ноги и отпустили. Мелунвин убрал оружие и, легко перемахнув через мраморный стол, положил руку на плечо дрожавшего от пережитого страха писаря.

— Ладно, ладно, не раскисай, — миролюбиво проговорил капрал. — Вижу, что ты наш человек, верный и преданный. Просто нам надо было убедиться, враги ведь они повсюду. Ну ладно, говорю тебе, не хнычь. И братану своему привет передавай, я тоже под Киенборгом сражался. Капрал Мелунвин я, может, встречались с ним. Как брата зовут?

— Симан, — проговорил Рон, назвав имя одного из матросов с «Маринэ», у которого он выиграл пять золотых монет, и после чего тот поклялся, что он больше и близко к Рону не подойдет и имя его забудет.

— Хм, вполне нормальное имя, я думал, будет заковыристое, как твое. Нет, не помню такого.

Гвардейцы направились к выходу.

— Но ты тут поглядывай за любителями книжки помусолить, если увидишь кого подозрительного — зови нас, — произнес Мелунвин. Затем придвинулся ближе и тепло, по-дружески, спросил: — Скажи, а ты все-таки что так долго не открывал? Дрожил там, небось, среди свитков, а? — и громко захохотал, довольный то ли своей проницательностью, то ли своим остроумием. После чего направился вслед за гвардейцами.

Рон холодно смотрел ему в спину. Слуге мага хотелось взять с мраморного стола одну из каменных табличек, ту, что повесистей, и со всей силы огреть капрала по голове. Но он, конечно, не мог себе этого позволить, и ему было досадно оттого, что он никак не сможет отомстить этому человеку ни сейчас, ни в будущем.

Сзади раздался тихий, едва слышный писк. Рон обернулся. По столу бежала маленькая белая мышь. Она деятельно тыкала своей мордочкой в разные стороны, словно что-то искала. Рон с удивлением наблюдал за ней. Мышь приблизилась к одной из книг и вдруг резко отпрянула, как будто что-то напугало ее. Рон увидел, что она шарахнулась прочь от маленького цветного рисунка, изображавшего ветку, на которой висело три спелых сливы, искусно нанесенного на внутренней обложке одной из книг. И мгновенно его осенила идея. Да, конечно, возможно,

его господин, как всегда, наплел ему с три короба, потешаясь про себя над его доверчивостью, но почему бы не попробовать?

Рон схватил со стола небольшую, почти миниатюрную книжечку, чья обложка была отделана яркой малиновой тканью, на которой золотыми буквами было вышито «Сказание о трех царях», быстро раскрыл её и, убедившись, что внутри была сливовая печать, поспешил за капралом.

— Святой брат, постойте, прошу вас! — закричал он.

Мелунвин остановился и вроде как недовольно посмотрел на него.

— Чего тебе еще?

— Вот, — Рон протянул ему книжечку. — Совсем забыл: главный хранитель, мастер Лиен, приказал мне и другим писарям, чтобы мы обязательно дарили книжки тем, кто приходит в библиотеку. Понимаете, чтобы живое мудрое слово распространялось по миру, а не было похоронено за этими стенами.

— Да на кой она мне нужна? — усмехнулся гвардеец.

— Прошу вас, господин капрал, примите, — проникновенным голосом попросил Рон. — Это действительно ценный дар, и я хочу отблагодарить вас за то, что вы, не жалея своей жизни, защищаете нас от врагов веры и короля. На этих страницах вы найдете рассказ о мудрости и благородстве трех великих мужей, возможно, эти строки когда-нибудь придадут вам сил. А кроме того, поглядите, что за чудо эта книга, настоящее произведение искусства, — и не моргнув глазом, как бы между прочим, Рон добавил: — она стоит около шести солидов.

Мелунвин протянул руку и взял предложенный дар.

— Ну ладно, если мастер Лиен приказал, давай, почитаю как-нибудь на досуге.

Рон глядел на него счастливыми глазами.

— Спасибо вам, господин капрал, что не отказали.

Гвардеец отмахнулся и вышел. Счастливая улыбка исчезла с лица молодого человека, и он некоторое время угрюмо глядел на закрывшуюся за святым братом дверь. Он понимал, что вряд ли это случится, но все же надеялся, что вот-вот услышит стук, грохот, вой, истошные крики, означавшие, что грозный дух — хранитель библиотеки расправляется с ненавистным гвардейцем, вынесшим книгу. Но ничего не произошло. Все было тихо. Рон устало махнул рукой и пошел за кулями с одеждой.

11

Эльнас Велонэ вошел в кабинет главного хранителя, и тяжелая дверь бесшумно закрылась за ним.

За широким массивным столом сидел старый седовласый человек. На его носу были очки с маленькими круглыми стеклышками. Хозяин кабинета что-то писал длинным пером в огромном толстом фолианте. Он не поднял глаз на вошедшего и вообще никак не прореагировал.

Эльнас прошелся по паркетному полу, встал возле высокого стрельчатого окна и посмотрел в парк, окружающий библиотеку. Сейчас там было темно и тихо.

— Зачем тебе очки? Ты что, стал плохо видеть? — спросил Велонэ, не отрывая взгляда от темноты за окном.

— Это драконье стекло, — ответил хранитель, не прерывая своего занятия и не взглянув на незваного гостя.

Эльнас захотел приоткрыть окно. Он поднял глаза, увидел задвижку и протянул к ней руку. Но прежде чем коснуться металлического засова, он ощутил щекочущее тепло в центре ладони, и кривая слабая усмешка тронула его губы.

— Даже окна запечатал, — сказал он, повернувшись к хозяину кабинета.

Засов на окне сдвинулся, и деревянная рама плавно приоткрылась. Эльнас обернулся. Он открыл окно пошире и с удовольствием вдохнул влажный прохладный воздух, насыщенный терпким запахом хвои.

— Хорошо устроился, — прокомментировал он, глядя в темно-синюю ночь. — Огромная библиотека, уютный кабинет, тишина и покой, елочки за окном. Как всегда и хотел, да?

Хранитель продолжал писать, ничего не отвечая.

— Я только не понимаю: ты же всегда так любил этот город, столько труда в него вложил. Зачем же ты позволил жреческой мрази обосноваться здесь?

Эльнас долго ждал ответа, но его не последовало. Он прошел вдоль окон, затем вдоль стены и остановился возле каменной тумбы, на которой стоял канделябр с тремя горящими свечами. Он едва заметно махнул правой ладонью, и огоньки погасли. И тут же вспыхнули вновь. Эльнас улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он, — я всегда поражался, как ты при своей непреодолимой любви ко всем этим ярмарочным фокусам умудряешься обходиться без зрителей.

И снова хозяин кабинета ничего не ответил.

— Хотя, с другой стороны, — продолжил Велонэ, — ты всегда хотел быть только наблюдателем. Сосредоточенный и отрешенный, подмечая каждую деталь действия и не вовлекаясь в него. Всегда в тени, незаметный и тихий, отгороженный от других своей силой и мудростью. — Он помолчал и добавил: — Тебе не кажется, что это невежливо? Я, твой старый знакомый, зашел навестить тебя, а ты не замечаешь меня.

— Ты прячешься здесь от опасности, — спокойно произнес хранитель. — А иначе, я думаю, ты вряд ли зашел бы ко мне. Тебе не нравятся люди, которые знают, кто ты такой на самом деле.

— А ты, конечно же, знаешь, кто я такой на самом деле?

— Ты Эльнас Велонэ, сын гувашской крестьянки и бедного оленевода. Ты человек, глубоко обиженный судьбой за то, что рожден бедным, слабым и некрасивым. Обижен миром за то, что он не шел тебе навстречу, осыпая тебя дарами. И, конечно, обижен людьми за то, что они презирали и не замечали тебя.

Эльнас подошел ближе к столу.

— Давно хотел спросить тебя, Гирин. Говорят, что в древности, когда тебя еще звали Тотамон, ты жил в Багряной пирамиде на берегу Итеру и якобы правил огромной империей, раскинувшейся на половину черного континента. Но однажды ты увидел, как жук-навозник катает свой шарик. Ты долго наблюдал за ним, а потом развернулся и ушел в никуда, в дикие земли, навсегда оставив свою империю. Это правда?

— Звучит не слишком правдоподобно. Поэтому сомневаюсь, что это может быть правдой.

— Сомневаешься? — усмехнулся Эльнас. — Разве ты еще можешь сомневаться?

Хранитель оставил насмешливый вопрос без внимания. Эльнас прошелся вдоль стола.

— Значит, по-твоему, я глупый немывтый пахарь, обиженный на весь белый свет за то, что меня не там родили? — всё с той же усмешкой уточнил старый маг.

— Самое немыслимое, что и спустя столько лет ты продолжаешь хранить эту обиду в себе, лелеять её и черпать из нее силу. Ты так и не понял, что магия — это не путь возвеличивания себя над другими, не инструмент для повышения собственной значимости, не способ приобретения силы подавлять, принижать и уничтожать других людей. Магия — это всего лишь ещё один вид мастерства владения собой и совершенствования собственного духа, путь познания себя и окружающего мира. Ни больше и ни меньше. Но ты упрямо не понимаешь этого, и именно поэтому ты тот, кто ты есть.

— И кто я есть?

— Несчастный человек, сам себя загнавший в ловушку.

— Перестань. Ты тоже выбрал магию только для того, чтобы возвыситься над другими. Не лги ни мне, ни себе. Для тебя она — путь отгородиться от окружающей действительности, возвести непроницаемые стены между собой и реальным миром. Подняться над ним. Ты создал себе два идола — безупречность и неуязвимость — и идешь к ним всю жизнь. А по сути, ведет тебя к ним гордыня и страх.

Хранитель отложил перо и удивленно посмотрел на собеседника.

— Ради мудрого сердца, — сказал он с чувством, — Эльнас Велонэ, я же знал твоего учителя и уверен, что он объяснял тебе это. Причем здесь гордыня и страх? На каком-то этапе безупречность и неуязвимость становятся для мага такими же естественными и необходимыми, как дыхание. Если он будет уязвимым, то он не сможет быть безупречным, а если его действия не будут безупречны, его разорвет на части та огромная сила, что он заключает в себе. И маг погибнет.

— Я помню это, — согласился Эльнас. — Но ты доводишь это до крайности, если не сказать — безумия. Спрятавшись от всех, разорвав все связи с миром, отгородившись тремя рядами стен. А безупречность должна оставаться безупречной и в самой гуще рыночной суматохи или толпы дикарей.

— Я живу так, как мне хочется.

Велонэ усмехнулся.

— Честно говоря, Тотамон, я даже не понимаю, зачем ты вообще еще живешь.

— Потому что мне интересно, — улыбнулся хранитель.

— Интересно?! Похоронить себя за оградами, рядами деревьев и стенами, забыв род человеческий, читая книги на драконьем языке и рисуя повсюду свои сливы, — это, по-твоему, интересная жизнь?!

Хозяин кабинета снова улыбнулся.

— Да, я понимаю, это, конечно, не идет ни в какое сравнение с твоей попыткой стать монархом Агрона.

Эльнас нахмурился. Ему было крайне неприятно вспоминать об этом. Спустя десятки лет боль от пережитого унижения всё ещё терзала его сердце так, будто в нём ковыряли стальной спицей. Он помнил, как стоял в кандалах из «кровавой стали», сковывавших не только его

тело, но и его магию, во дворе замка в окружении солдат перед сидящим на лошади тогда еще совсем юным, но уже надменным и гордым королем Радвигом. Он помнил каждое его слово — холодное и насмешливое. И уж тем более он помнил, как его раздели, вымазали дегтем, извлекли в перьях, надели на него дощечку с надписью «Цыплячий король» и бросили на три дня в яму, где любой прохожий мог плевать в него или бросаться тухлыми объедками. После чего его увезли на один из тысячи Кайхорских необитаемых островов и оставили там. Он клялся отомстить всему Агрону, изобретал жуткие изощренные планы возмездия и надменному Радвигу, и всем его прислужникам. Но всё сложилось иначе. Он никому не отомстил и навсегда остался для жителей южной страны нелепым глупым Цыплячьим королем. И он напрягся, ожидая, что хранитель Тиллской библиотеки сейчас припомнит это.

— Ты пытаешься идти сразу несколькими путями, — сказал Гирин, — и в результате не приходишь никуда. Ты хочешь властвовать над людьми и в то же время стать самым великим магом. Ты посещал остров Ревуна и спускался в лабиринт Великого Змея, пытаешься обрести невиданную силу, но ты не был безупречен и был ведом жалким желанием возвышения своего эго, и поэтому не прошел лабиринт.

— По-твоему, великий маг не может властвовать над людьми?

— Великий маг — это оксюморон. Маг, который считает себя великим, — глупец. Глупец не может быть магом. Магу не нужно величие, для него само желание этого показалось бы смехотворным и нелепым. А кроме того, это означало бы отказ от свободы и безупречности, и в итоге — гибель.

Эльнас презрительно усмехнулся.

— Это всего лишь твое мнение. Мнение мечтательного отшельника, построившего собственный мир взамен реального.

— То, что ты называешь реальным миром, — всего лишь временное описание человеком той бесконечной, многоплановой, изменчивой структуры мироздания, по которой мы проносимся волной света. Я не уйду от твоего «реального» мира и не строю своего собственного. Я просто учусь видеть за пределами нашего застывшего описания. Но сейчас говорить с тобой об этом бессмысленно. Ты не желаешь понимать, ведомый своими тяжелыми омертвевшими стремлениями к власти, к удовлетворению своей потребности признания твоей значимости другими людьми. И, к сожалению, это твое состояние не просто нелепо, оно и весьма при-
скорбно, ибо ведет к страданиям.

— Моим страданиям?

— Не только. К большому сожалению, это ведет к страданиям и многих других людей.

— Не нужно быть лицемерным, — с раздражением воскликнул Эльнас, — я уверен, что другие люди волнуют тебя еще меньше, чем меня.

— Ты ошибаешься, — спокойно ответил хранитель. — У меня предчувствие, что сегодня ночью ты убьешь маленького ребенка, мальчика, вырвав его из рук родной матери. И мне будет горько и тяжело на сердце из-за той боли, что им придется пережить.

Эльнас недоверчиво усмехнулся.

— Что за ерунду ты несёшь? Ты что, вдруг поверил глупым рассказам жрецов обо мне? А если же ты веришь, что это правда, и так переживаешь, то почему тогда ты не остановишь меня? А заодно и ублюдка Вамиру, ведь ты, я думаю, знаешь, что творится за стенами твоего дивного парка. Людей забивают палками, как больных собак, вешают на крюках и скармливают пожирателям грехов.

В кабинете повисло молчание. Два мага пристально смотрели друг на друга.

— Так почему не остановишь? — спросил еще раз Эльнас.

— Потому что не могу, — ответил хранитель.

— Не можешь убить меня прямо здесь, чтобы спасти мифического мальчика? Не можешь выйти на улицы города и испепелить одуревших гвардейцев храма, чтобы спасти несчастных маннаев?

— Не могу.

— Я же знаю, что ты был одним из трех, кто создавал печать равновесия, наложенную на Тилл, и, думаю, тебе вполне по силам обойти её и применить свою магию.

— Дело совсем не в этом.

Эльнас понимающе скривил губы:

— Ясно. Это нарушит твою безупречность — безупречность, без которой ты жить не можешь. В этом дело, да?

— Я думаю, тебе пора уходить. Гвардейцы покинули библиотеку, и тебе больше незачем прятаться в моем кабинете.

Эльнас приблизился к столу, обошел его, встал возле левого плеча седовласого хранителя и посмотрел на листы раскрытого фолианта. Они были девственно чисты. Эльнас поискал глазами чернильницу на столе и не нашел. Он вопросительно посмотрел на хозяина кабинета. Тот молча снял с носа очки и протянул гостю.

Взглянув на листы через стекла очков, Эльнас увидел ярко-красные росчерки драконьего языка. Он прочитал несколько строк: «Сжимая меч в правой руке, он вошел в кабинет магистра. В первую минут ему показалось, что там никого нет и он почувствовал облегчение. Но затем он увидел, что хозяин кабинета сидит в огромном в кресле, подпирая лоб и закрыв глаза». Эльнас усмехнулся.

— Снова фокусы, — сказал он, возвращая очки хранителю.

— В фокусах нет ничего плохого. Забавная шутка, не более того.

Эльнас знал, что только через драконье стекло видны надписи, сделанные бесцветными чернилами специального состава, в который входила и кровь некоторых ящериц. Но он не видел чернильницы на столе и не мог понять, куда макает свое перо хозяин кабинета. Это смущало и раздражало его, но спрашивать об этом он не стал.

— Может, все же прежде чем я уйду, ответишь мне на мой вопрос? — поинтересовался Велонэ.

Хранитель библиотеки поднял на него взгляд. Его глубоко посаженные ярко-зеленые глаза казались чуть-чуть влажными. Точно над центром левой брови темнела аккуратная круглая родинка, которую Эльнас помнил еще с юношеских лет, когда впервые увидел этого человека. И еще он вдруг ощутил слабый аромат земляники, исходящий от хранителя, — аромат, который казался пронзительно родным и крепко связанным с давно утраченным детством.

— Это бессмысленно, — сказал хозяин кабинета. — Ты не ищешь ответ, ты ищешь возможность лишний раз напомнить мне, какой я ханжа и лицемер. В отличие, например, от тебя — человека, которому безразличны другие люди и который не пытается скрывать этого.

— Мы все эгоисты, — произнес Эльнас. — Мы всегда заботимся только о себе. И это и правильно, и естественно. Но мир за твоим окном — это всё, что у нас есть. И уйти от него, спрятаться — это политика труса. Ты выбрал ни во что не вмешиваться, не принимать ничью сторону, выбрал судьбу горнего мудреца, засевшего в своей хрустальной башне на блаженном острове, но ты не мудрец. Ты мумия, Тотамон, которая лежит в гробнице и надменно скалится над проносящимися за стенами гробницы годами. И пусть тело твое неподвластно гнили, твоя живая душа давно превратилась в тлен и песок. А что ты без души? Безупречными могут быть боги, но не люди. А жизнь — это всегда вовлеченность. Люди остаются живыми, пока во что-то вмешиваются и выбирают хоть какую-то сторону. Иначе они просто жалкие трусы.

— Тебе пора, — сказал хранитель.

В дверь осторожно, но отчетливо постучали. Дверь приоткрылась, и в кабинет просунулась голова Рона.

Эльнас неотрывно смотрел на хранителя, который, уже не глядя на него, надел на нос свои очки и снова взялся за перо. Старый маг вышел из кабинета и с силой закрыл за собой тяжелую дверь.

Когда Гирин остался один, он выдвинул ящик стола, достал блюдо с тыквенными семечками и поставил его возле фолианта. На столешницу взобралась белая мышь. Она пробежала прямо к блюду, схватила двумя лапками семечко и принялась усердно грызть.

— Разве мы выбрали ни во что не вмешиваться? — с улыбкой спросил хранитель у мыши.
— По-моему, мы только тем и занимаемся, что вечно вмешиваемся куда ни попадя.

12

Лумис шел по узкому переулку, где его плечи едва не касались стен противоположных зданий. Он торопился, пробираясь к центру города. Время было на исходе, и он уже решил прийти в храм собственной персоной. Однако перед выходом из переулкa он ясно услышал стук тяжелых сапог по камням тротуара. Молодой человек замер. Звуки шли, кажется, слева и явно приближались. Он подождал еще немного, а затем решительно бросился вперед.

Гвардейцы тревожно застыли, увидев странного незнакомца, выскочившего из узкой щели между зданиями. Лумис тоже застыл и сделал испуганное лицо при виде по крайней мере пяти вооруженных до зубов святых братьев. Воины храма пришли в себя первыми. Ничего не говоря, они рванулись к молодому человеку. Глаза последнего расширились от ужаса, и он, развернувшись, попытался скрыться в том же переулке, откуда только что вышел. Но то ли от страха, то ли от слабости ноги его заплелись, и он едва не растянулся на камнях тротуара. Он кое-как выпрямился, но прежде чем он успел совершить еще одну попытку к бегству, мощная длань одного из гвардейцев схватила его за шиворот и сильным рывком швырнула спиной на середину улицы.

Святые братья окружили молодого человека, и он, несколько оглушенный жестким приземлением на камни мостовой, попытался подняться, перепугавшись, что его сейчас забьют ногами до смерти. Его снова схватили за шиворот и грубым рывком подняли на ноги. За спинами святых братьев Лумис увидел еще по крайней мере дюжину, а то и больше приближающихся гвардейцев. Ещё дальше он рассмотрел повозку, запряженную двумя неспешными лошадьми-тяжеловозами. На повозке громоздилась клетка из железных прутьев, и он понял, что наконец наткнулся на того, кого надо. Это был один из официальных отрядов храма, собирающих нечестивых маннаев для «очищения». Сейчас его бросят в клетку, и его миссия будет близка к завершению.

— Кто там? — раздался голос, который, несомненно, давно уже привык к командирскому тону.

Гвардейцы расступились, и Лумис увидел высокого широкоплечего темноволосого человека с усталым лицом и угрюмым взглядом. Лумис тут же узнал сурового и беспощадного капитана Далуфа.

— Пытался бежать, — сообщил один из святых братьев.

Командир отряда подошел к Лумису почти вплотную, пристально вглядываясь в его лицо. Затем он сделал знак рукой, и Лумиса бесцеремонно оттащили назад и нагнули вперед. Капитан отодвинул грубую материю балахона и при свете уличных фонарей увидел на шее маленький темный вытатуированный знак лежащей восьмерки — «инфина». Он сделал еще один знак, и Лумиса выпрямили и поставили лицом к лицу с капитаном.

— Имя, — потребовал Далуф.

Лумис собрался ответить, но новый приступ лихорадочной дрожи и жуткой головной боли не дали ему этого сделать. В глазах у него заплескали цветные пятна. Усилием воли он открыл рот, желая назвать имя, но боль в горле и дрожание нижней челюсти помешали ему, — только струйка слюны вытекла из уголка рта.

На лице капитана проступило отвращение.

— Больной какой-то, — прокомментировал один из гвардейцев.

— Ну его к Сэгу, — сказал Далуф. — Отведите его вон туда, — он указал на переулок, из которого Лумис недавно вышел, — и оставьте его там, от греха подальше. Навсегда.

Два гвардейца, державшие Лумиса за руки, понимающе кивнули и поволокли его в указанном направлении. Головная боль немного отпустила молодого человека, и он, придя в себя, осознал, что его собираются убить.

— Подождите, — прошептал он.

Никто не обратил на это внимания, даже если услышал. Далуф в окружении гвардейцев стоял, засунув большие пальцы рук за широкий кожаный пояс, и спокойно наблюдал, как ненавистного манная тащат через улицу к темной щели между домами.

Лумис подумал о ноже у себя за спиной. Наверно, ему достало бы сил и ловкости, даже в таком состоянии, вытащить оружие и расправиться с двумя гвардейцами рядом с ним. С другой стороны, это были не простые горожане, непривычные к оружию и реальным схваткам, а специально тренированные бойцы. Жрецы прилагали массу усилий к тому, чтобы обладать действительно боеспособной армией, и добились в этом некоторого успеха. Лумис понимал, что с ножом против солдат, вооруженных длинными мечами и, главное, умеющих их использовать, у него нет шансов. Но ему это было и не нужно — он хотел, чтобы они привели его в Гелиокон на обряд очищения. Вместо этого они собираются прирезать его в темном переулке.

— Подождите! — заорал он. — Капитан Далуф, прошу вас, не убивайте меня!

Гвардейцы, тащившие гнусного еретика, замерли. Возможно, их остановило, что манной обратился к их командиру по званию и имени. Они оглянулись на капитана. Тот сделал нетерпеливый жест продолжать. Его нисколько не удивило, что один из горожан знает его имя. Храмовую гвардию возглавляли три капитана, которые уже, в свою очередь, непосредственно подчинялись жрецам высшего ранга, и все трое были известными людьми в городе.

Лумис попытался вырваться. Его движения оказались яростными и неожиданными для его убийц. Он сумел освободиться от хватки одного из гвардейцев, но второй тут же с силой толкнул его, сбивая с ног. Молодой человек отлетел к стене. С грохочущим сердцем он услышал зловеющий шелест вытаскиваемых из ножен клинков. Оглянувшись, он увидел, что оба гвардейца приближаются к нему с мечами в руках, решив, видимо, не утруждать себя затаскиванием манной в переулок, а покончить с ним прямо здесь. Лумис сел и в умоляющем жесте выставил перед собой руки.

— Прошу вас, подождите! — закричал он.

Его мысли лихорадочно плясали, когда он пытался найти выход. Сейчас его зарубят без жалости и даже без злобы, просто как скотину. Он снова подумал о ноже. Потом — о своей миссии. Он давно подготовил себя к смерти, но когда до нее осталось лишь несколько мгновений, панический ужас сжал его сердце.

— Будьте милосердны, умоляю вас, не убивайте, — запричитал он. — Умоляю!

Но гвардейцы уже даже не оборачивались, чтобы в очередной раз получить одобрение своего командира на исполнение приказа. Лумис посмотрел куда-то в сторону, — он понял, что обречен. Его правая рука скользнула за спину, проникла в замаскированную прорезь на балахоне и схватила нож. Нечто похожее на холодную усмешку промелькнуло на его лице: по крайней мере, он заберет с собой хотя бы одного нападающего, решил он. И в следующий миг он нашел выход. Безжалостный и подлый, но он колебался лишь мгновение. То, для чего он готовил себя, было более важным. Более важным, чем жизнь одного человека.

— Капитан Далуф! — закричал он и скривился от резкого приступа боли в правой части головы. — Я знаю, где прячется важная манная. Я скажу вам.

На этот раз гвардейцы замерли и обернулись. Капитан приблизился и встал между ними.

— Кто? — холодно спросил он у сидевшего у стены человека, равнодушные к которому теперь сменилось презрением.

Лумис блестящими от слез глазами смотрел на него.

— Прошу вас, не убивайте меня, — проговорил он.

— Если ты не лжешь, мы возьмем тебя на очищение. И там, если в твоей гнусной душонке осталось хоть маленькое место для настоящего бога, ты будешь очищен от скверны и останешься жить. Кто она?

Капитан понимал, что поимка важного по тем или иным причинам манная будет воспринята высшими жрецами крайне благожелательно, что, в свою очередь, может благотворно отразиться и на нем лично. Поэтому сообщение этого жалкого больного еретика заинтересовало его.

— Аяра Талвин, — задыхаясь, произнес молодой человек.

— Аяра Талвин? — капитану это имя не показалось знакомым и он почувствовал разочарование.

Но прежде чем он дал приказ гвардейцам закончить начатое, Лумис добавил:

— Да, жена Риана Боргеса.

Далуф застыл, услышав имя человека, который столь часто досаждал жрецам, всячески противоборствуя им, с его точки зрения, беззаконию и произволу. О да, они бы с огромным удовольствием увидели бы его голову, насаженную на кол. До сих пор самого его не удалось найти, но и его жена была бы весьма неплохим приобретением. Капитан вкрадчиво спросил:

— Где она?

Лумис какое-то время смотрел в глаза Далуфа, пытаясь найти там гарантии, что его не убьют, когда он все расскажет.

— Она вместе с сыном в одной из гостиниц прячется, я отведу вас туда.

Капитан ледяным взглядом воззрился на жалкого еретика.

— Убейте его, — сказал он.

Гвардейцы занесли мечи для удара. Лумис выставил перед собой раскрытую ладонь.

— Стойте, стойте! — умоляюще произнес он. — Господин капитан, я все скажу! Не убивайте меня. Они в гостинице «Бархатный сон» на Сиреновой улице.

Капитан глядел на молодого человека, словно ждал чего-то еще. Гвардейцы так и стояли с поднятыми мечами. В этот момент Далуфу припомнилось, как Катаон Ямнус недовольно произнес: «Только одиннадцать?!». Конечно, с самого начала, только ради количества, следовало взять этого убогого манная в храм, но его трясущийся болезненный вид вызвал у капитана отвращение, а потому он захотел покончить с ним на месте. Однако теперь Далуф поздравил себя с тем, что принял вначале это решение. Он получит жену и сына Риана Боргеса, и это можно было считать удачей.

— Твое имя? — спросил он для порядка.

— Лумис.

— Я думаю, ты понимаешь, Лумис, что если ты солгал, дожить до «очищения» тебе вряд ли удастся.

— Конечно, господин капитан, я понимаю. И я не лгу, честное слово.

— Посадите его в клетку, — равнодушно произнес Далуф, и гвардейцы убрали мечи в ножны.

13

Аяра Талвин лежала на кровати и, обняв дремлющего сына, глядела в потолок. Спать она не могла. Вокруг было тихо, и к этому моменту она позволила себе надеяться, что с ними все будет хорошо. Но переживания за друзей и знакомых из числа маннаев не давали ей покоя. В её голове то и дело всплывали картины увиденного по пути в гостиницу. Мертвые люди. Брошенные и оставленные как ненужный хлам на тротуарах и возле стен. Жуткие застывшие трупы, многие изуродованные, с разбитыми, смятыми черепами, с раздробленными конечностями, с рассеченными, вспоротыми шеями и животами. Некоторые - обгоревшие или измазанные какой-то липкой темной гадостью, дёгтем или фекалиями, другим в рот забили дохлых ящериц или воткнули в рот палки с рогатинами, или вонзили колья в задний проход. Маннаев не просто истребляли, над ними измывались, глумились, унижали и до смерти, и после. Раздевали догола, подвешивали за ноги вниз головой, мужчинам отрезали гениталии и засовывали в рот, женщинам запихивали между ног всё, что только могла подсказать больная фантазия изуверов. Аяра этого не понимала, это находилось за гранью любой логики, которую она была способна вообразить. Неужели самого факта смерти иноверца для адонаев недостаточно, чтобы утолить их ненависть? Что же это за такая ненависть должна быть, чтобы заставить ещё вчера вполне нормальных и даже добрых людей совершать немыслимые, запредельные зверства? И снова она вспоминала залитые кровью улицы, жар огня от пожаров, треск ломаемой древесины и, что самое страшное, от чего у неё сами собой катились слезы и каменело горло, отказываясь дышать, - маленькие изувеченные тела. Детей не щадили тоже. Любых - от младенцев до подростков. С детьми творили вещи не менее жуткие, чем со взрослыми. И Аяра знала, что то, что она увидела этой ночью, останется с ней до конца жизни. Когда она видела умерщвленных детей, её захлестывали два чувства: безумная ярость, от которой начинало колоть в сердце, и тоскливое отчаяние осознания всеобщего бессилия противостоять злу. И в первую очередь - своего собственного бессилия. Это угнетало до такой степени, что казалось - лучше лечь, закрыть глаза и умереть, чем жить с этим. И, наверное, только маленький мальчик, вцепившийся в её руку, не давал ей сделать это. Она не смела допустить и тени мысли, что с Саотре поступят также, как и с этими мертвыми детьми.

Она заставила себя прекратить вспоминать то, что видела этой ночью на улицах родного города, и переключить мысли на будущее. Каким он будет - завтрашний день, когда над Тиллом взойдет Солнце? Лумис говорил, что почти наверняка утром всё должно закончиться. Королевские войска вернутся в город, а святые братья и их приспешники-горожане угомонятся и разойдутся по домам. Адонаи не посмеют творить подобные бесчинства, когда лик Ра поднимется над городом. Да к тому же это слишком дорогое удовольствие - погружать в хаос огромный торговый город на несколько дней. По словам Лумиса, есть упорные слухи, что жрецам подарили только одну ночь, на большее ни военные, ни магистрат, ни люди в Мере не согласны. У Аяры всё это в уме не укладывалось. Уничтожение людей, погромы, пожары, все эти жестокости и зверства для кого-то были чем-то вроде торговой сделки? Но это ведь не могло быть совпадением, что армия покинула город, якобы проводя учения по защите Тилла от пиратов, и жрецы объявили войну еретикам в тот же час, когда в городе не осталось других вооруженных формирований, кроме доблестной святой гвардии Гелиокона? Была еще вооруженная стража магистрата — вигилы, но им, видимо, просто приказали сидеть по домам и не высовывать носа наружу.

Сколько Аяра об этом ни думала, она приходила все к одной и той же мысли: уничтожение маннаев было одобрено на самом верху пирамиды власти. То есть их собственный король, Элджин Комвин, которого называли то Мудрым, то Великодушным, позволил убивать своих

подданных. Эта мысль вызывала отвращение, Аяра отказывалась в это верить. Но разве без ведома монарха можно было сдвинуть с места гарнизон целого города и устроить кровавую резню? Никто бы не рискнул этого делать без воли короля, ибо было очевидно, что на следующий день ему все станет известно и последствия будут неминуемы.

Но замешан был король или нет, ясно одно: всё это начали жрецы Ра-Адона, и она спрашивала себя, чем помешали тихие и безобидные последователи мудрого Манна благочестивым служителям солнечного бога. Неужели это была борьба за людские души? Тех, кто выбирал философское, созерцательное, невоинственное и тем не менее наполненное глубокой силой учение Манна, становилось всё больше. Неужели именно это беспокоило жрецов Ра-Адона? Ей казалось это глупым. По сравнению с толпами верующих, собирающихся в праздники в громадных залах Гелиокона и вокруг него, число почитателей Алмазного Дракона Солки было ничтожно.

Аяра, с любовью глядя на своего ребенка, осторожно высвободила затекшую руку из-под его головы. Страх снова сдавил ей сердце. По пути в гостиницу они встретили других маннаев, и те передали им страшные слухи, что святые братья, гвардейцы храма, уводят пойманных маннаев в Гелиокон на так называемый обряд очищения, где их скармливают «пожирателям грехов». Тогда Аяра в это не поверила. Во-первых, она не верила в существование самих «пожирателей грехов» — страшных святых полулюдей с искалеченным мозгом, способных принимать чужие грехи, съедая плоть грешника. Во-вторых, она всё ещё не допускала мысли, что жрецы Ра-Адона дошли до того, чтобы скармливать живых людей каким-то чудовищам, да ещё и прямо в стенах Гелиокона, в радостном святилище доброго солнечного бога. В глубине души она всё ещё полагала, что жрецы и святые братья, люди образованные и приближенные к богу, конечно же, не столь дикие и озверелые, как те одуревшие от крови и безнаказанности горожане-адонай, «желтоголовые», рыскающие с ножами и дубинами по улицам Тилла. Но сейчас, поглядев на сына, ей подумалось: а что, если правда? И она возблагодарила Манна за то, что Лумис, их добрый тихий сосед, помог им выбраться из дома и укрыться в гостинице в адонайском квартале.

Где-то далеко за дверью раздались тяжелые, быстрые шаги. Аяра не думала, что это может как-то относиться к ней, но все же приподнялась на локте и прислушалась. Шаги заполнили коридор и теперь уже звучали совсем близко. В дверь заколотили, и Аяра вздрогнула.

Она посмотрела на сына, который открыл глаза и поглядел на нее. Она ободряюще улыбнулась ему и, ласково поцеловав в лоб, прошептала:

— Не бойся.

— Я не боюсь, — тихо ответил он, не отрывая от неё своих больших зеленых глаз.

У Аяры защемило сердце.

— Моя госпожа, прошу вас, откройте, — раздался из-за двери чей-то измученный голос. Аяра и Саотре спустились с кровати на пол.

— Я прошу вас, моя госпожа, здесь воины храма, они желают видеть вас. Откройте.

Она узнала этот голос. За дверью стоял хозяин гостиницы «Бархатный сон», пожилой полноватый мужчина по имени Найбер. Он не был маннаем, но Аяра прониклась к нему доверием при их первой встрече. Неужели она ошиблась, и он позвал святых братьев, чтобы выдать ее им? Впрочем, в его голосе слышалось что-то болезненное и надрывное, будто прямо сейчас ему выкручивали руку или ломали пальцы.

Аяра поглядела на небольшой засовчик, запирающий дверь. Это, конечно, не удержит дюжих гвардейцев надолго. Комната находилась на втором этаже, и вылезать в окно в ее широком платье с тремя юбками, сопровождая и контролируя маленького мальчика, не казалось ей разумным, к тому же, скорее всего, внизу уже кто-то стоял.

Она наклонилась к сыну, взяла его за плечи и, глядя ему в глаза, быстро, тихо сказала:

— Саотре, слушай меня внимательно. Там за дверью плохие люди, они ненавидят таких, как я и твой отец, и хотят причинить нам вред. Что бы они ни говорили тебе, нельзя называть им наши настоящие имена. Ни твоё, ни моё, ни отца. Пусть тебя зовут... — она попыталась придумать что-нибудь подходящее. Но страх уже заворочался в её душе, мешая собраться с мыслями. Она вспомнила мальчика лет десяти, которому отрубили обе ноги выше колен. Он, видимо, еще какое-то время полз по тротуару, оставляя на плитках две кровавые полосы, а потом затих и умер. И с её мальком могло случиться то же самое. У неё задрожали руки.

В дверь снова яростно застучали.

— Эй, там, слышишь? Открывай! — рявкнул чей-то мощный бас, явно не имеющий никакого отношения к добродушному хозяину гостиницы.

— Чевис, — подсказал мальчик.

Аяра нашла в себе силы улыбнуться и отрицательно покачала головой:

— Нет, сынок, имя знаменитого пирата не подойдет, нужно такое, которое никто бы не знал.

— Тогда я буду Лонки, а ты Кайна, — заговорщическим тоном произнес Саотре.

Аяра попыталась вспомнить эти имена. Но не смогла.

— Кто это?

— Он — добрый волшебник, она — прекрасная царица. Они из старой сказки. Мне папа про них рассказывал.

В дверь заколотили с такой силой, что она затряслась.

— Открывай! Это гвардия Гелиокона! Не откроешь, выломаем к чертям!

— Она, правда, вначале не очень добрая, — с сомнением произнес Саотре, — но в конце добреет.

Аяра с удивлением поглядела на сына. Казалось, что грохот в дверь его ничуть не пугает.

— Отлично. Значит, я Кайна, а ты Лонки, — сказала она, пытаясь справиться с голосом. И, уже не надеясь на себя, спросила: — Что насчет отца?

— Пусть будет Сомерн Ливур.

— Кто это? — Имя показалось ей знакомым.

— Друг отца. Который офицер на военном корабле «Барс». Они с отцом еще катались на лошадях задом наперед, кто быстрее. И ещё плевали персиковыми косточками, кто дальше. Забыла, что ли? — В голосе сына звякнула укоризна.

— Ну да. Как я могла забыть. — Она снова заставила себя улыбнуться. — Ты хорошо придумал, Саотре. Ты молодец.

Кто-то ударил в дверь чем-то тяжелым и металлическим. Дверное полотно затрещало. У Аяры от отчаяния на глаза навернулись слезы. Им уже никто не поможет. Ни сказочный волшебник, ни царица, ни весельчак Сомерн. Она наклонилась и прижала сына к себе, пытаясь удержаться от того, чтобы не расплакаться.

— Не бойся, Саотре. Всё будет хорошо, — прошептала она ему в самое ухо. Она еще цеплялась за надежду, что это просто случайная проверка гостиницы, всех комнат подряд. Найбер не знал, кто они такие, и не мог ничего рассказать гвардейцам.

Снаружи принялись лупить в дверь не переставая. Аяре захотелось закричать во всю мощь своего голоса, чтобы они все убирались прочь, чтобы их оставили в покое, чтобы немедленно прекратили всё это. Ей хотелось опуститься на пол, прижать сына к себе, крепко зажмурить глаза и ждать, когда это закончится. Бесцельная злость забурилась в её сердце, и она не могла понять, кого именно она ненавидит: проклятого Вамиру Онши, жадного короля, подонков-гвардейцев или, может быть, даже Риана Боргеса, собственного мужа, который сейчас не был рядом с ней и Саотре, чтобы защитить их, который не увез их прочь от этого кошмара.

Она выпрямилась, глядя сверху вниз в широко распахнутые зеленые глаза сына, испуганного и растерянного, но смотревшего на нее доверчиво и с надеждой. И она почувствовала, как

огромная волна любви сметает и топит её страх и малодушное стремление сжаться в комочек и безвольно ждать, когда все разрешится само.

— Все будет хорошо, Лонки, — с улыбкой сказала она сыну, и тот улыбнулся ей в ответ.

14

Когда Аяра открыла дверь, первым в комнату влетел рослый гвардеец с топором в руке. За ним вошел другой, пониже ростом, и за шиворот втащил за собой хозяина гостиницы. Найбер выглядел плохо. Темно-багровое пятно обезобразило левую сторону его лица, заплывший глаз превратился в узкую щелку, расквашенный нос обильно кровоточил, залив кровью нижнюю часть лица, шею и рубашку. Аяра подумала, что этот, в общем-то, тихий и покладистый человек, видимо, всё же посмел как-то перечить святым братьям, и те, несмотря на то что он не был маннаем, избили его. Следом за хозяином гостиницы в комнату вошли еще двое воинов храма.

— Ты какого черта медлила?! Почему не открыла сразу? — спросил гвардеец с топором, делая шаг по направлению к женщине.

Аяра Талвин, прижимая сына к себе, переместила его за свое правое бедро, но сама не сдвинулась с места и бесстрашно посмотрела на гвардейца.

— С какой стати я должна тебе открывать?! Ты что — вигил, или претор, юдекс Судебной Курии или цензор магистрата? Ты солдат храма, и вне стен храма у тебя власти нет. Я свободная патрицианка, верная подданная своего короля и в ответе только перед ним и его судьями. Или ты, что, хочешь сказать, что тебя наделили властью короля и его легатов?

Мужчина с топором остановился — не то чтобы смущенный, но все же утративший свой боевой пыл, ибо ему только что напомнили, что никакой законной, по-настоящему законной власти у него над людьми нет.

— Ты всего лишь храмовый служка, — со злостью продолжила Аяра, — и в своем храме можешь орать на кого хочешь, а свободных людей Рунады оставь в покое. С каких это пор я, гражданка Рунады, должна слушать кого-то, кроме моего короля и тех, кто исполняет его волю?

С холодной яростью она смотрела на гвардейца. Тот не осмелился сказать, что они как раз и исполняют королевскую волю, ибо это означало напрямую обвинить монарха в учиненной в Тилле резне.

— Моя госпожа, вас ждет внизу капитан Далуф, — вмешался Найбер, беспрестанно шмыгая носом, пытаясь удержать кровь. — Он желает говорить с вами.

Аяра отвернулась от хмурого лица гвардейца и посмотрела на хозяина гостиницы. Она попыталась понять по его глазам, что её там ждет на самом деле. Но тот смотрел на нее умоляюще и ничего больше. Он, видимо, не понимал, что происходит, и просто хотел поскорее исполнить приказ сурового гвардейского капитана, дабы не раздражать его. Аяра была наслышана об этом офицере и понимала, что его действительно лучше лишней раз не злить. Капитан был известен как человек угрюмый и безжалостный. Но лично она с ним никогда не встречалась.

Они все вместе спустились вниз. Холл гостиницы был ярко освещен. Святые братья легко уговорили скупого трактирщика зажечь все имеющиеся свечи. Несколько гвардейцев стояли возле входа плечом к плечу, еще двое — у стойки, и еще несколько — вдоль стен.

В центре помещения, заложив руки за спину, неподвижно возвышалась внушительная фигура капитана. Услышав шаги спускающихся людей, он повернулся лицом к лестнице. Аяра и Саотре, держась за руки, ступили на пол холла и застыли перед капитаном. Некоторое время он пристально разглядывал их.

— Твоё имя, — потребовал он.

— Для начала я хотела бы знать твоё. Насколько я знаю, граждане Рунады ничем не обязаны служителям храмов, и мне непонятно, с какой стати я вообще должна давать тебе какие бы то ни было объяснения.

Далуф чуть поморщился, словно ощутил зловоние, и повторил:

— Твое имя.

Но Аяра, пересиливая страх, сказала:

— Сначала я хочу знать, с кем я говорю.

От взгляды капитана у неё сдавило сердце. Ей показалось, что он сейчас ударит ее кулаком в лицо. Она отступила бы назад, не прижимаясь Саотре к её бедру. Но Далуф не шелохнулся.

— Я думаю, ты прекрасно знаешь, с кем ты говоришь. И твои глупые игры весьма утомляют меня. Я старший офицер гвардейской сентурии Гелиокона капитан Далуф Эдгер. Кто ты?

От его спокойного голоса и от того, что он все же уступил ей, Аяра почувствовала легкий призрачный надежды, что, может быть, все еще обойдется.

— Я Кайна Ливур, это мой сын Лонки.

— Кто твой муж?

— Сомерн Ливур. Он служит старшим викаратом на военном корабле «Барс». Они сейчас в Шиене, ловят пиратов.

— Почему вы в гостинице?

— Мы возвращались из дома моих родителей. Но нам сказали, что в городе беспорядки, и безопаснее ночь переждать в гостинице.

Далуф недовольно поджал губы.

— Плешивого сюда!

Два гвардейца подтащили к капитану хозяина гостиницы.

— Кто они такие?

— Как я могу знать это, мой господин?

— Тебе еще раз в морду дать?

Лицо Найбера страдальчески скривилось, и он плаксивым голосом проблеял:

— Мой господин, за что же в морду? Постояльцы не обязаны нам, хоспитариям, объявлять себя. Многие предпочитают путешествовать инкогнито, а если и называют себя, то вымышленными именами. Эта молодая госпожа не пожелала себя назвать, я не настаивал.

— Когда они явились?

— В восьмом часу вечера.

Далуф хмуро уставился на Аяру.

— Повернись ко мне спиной, — велел он.

Аяра медлила, пытаясь сообразить, как ей поступить правильно: возмутиться или подчиниться.

— Повернись спиной, я сказал. А то случайно упадешь с лестницы и разобьешь лицо. Будешь выглядеть как этот плешивый хоспитарий.

Она повернулась. Её светло-русые волосы были замотаны в тугий пучок, пронзенный длинной заколкой; ее зеленое платье оставляло открытым шею и часть спины, так что Далуф мог без помех разглядеть то место, которое ему так не терпелось увидеть.

Вернувшись в исходное положение, она посмотрела в темно-карие глаза капитана.

— Что-нибудь не так?

Никакого знака Солки Далуф не обнаружил, и пока еще сдерживаемая ярость начала закипать в его душе. Этот проклятый Лумис все же солгал — солгал, чтобы спасти свою жалкую жизнь.

— Жиль, проверь пацана, — приказал он тому высокому гвардейцу с топором, что первым вошел в комнату Аяры.

Гвардеец грубо схватил Саотре за плечо, заставив повернуться к себе спиной. И, поглядев на капитана, отрицательно покачал головой.

Далуф с совсем уже мрачным видом пожевал нижнюю губу.

— Какой ты веры?

— Адонайской.

— Где твой солар?

— А где твой?

— Отвечай на вопрос, женщина.

— Мой солар сделан из золота мастером Кохэ из ювелирного дома «Луксор». Я не надеваю его на будничные прогулки по вечерам.

— Прочти первые две строки молитвы «Отец наш Ра».

Аяра, чья мать была адонайкой, а отец маннаем, знала обе главные молитвы адонайской религии - «Отец наш Ра» и «В благой земле» - с самого детства. Она без труда озвучила обе строки.

— Назови четвертое имя Господа Ра.

— Безначальный.

Далуф огляделся вокруг, словно в поисках того, на ком можно сорваться. Он обернулся к святым братьям, стоявшим у входа.

— Тащите этого дохляка сюда! — рявкнул он.

Аяра, уже начавшая надеяться, что всё обойдется, окаменела, увидев, кого именно привели в залу гостиницы. Женщину охватила паника. В один миг ей всё стало ясно. Это была не рядовая штатная проверка гостиницы — они искали именно её, жену Риана Боргеса. Расширенными глазами она глядела, как, крепко держа за руки, два дюжих гвардейца тащат к ней тощего, бледного молодого человека болезненного вида — человека, который несколько часов назад помог им спастись из обреченного дома, а теперь, судя по всему, обрек их на смерть сам. У Аяры защищало в глазах от подступающих слёз.

— Ты знаешь её? — со сдерживаемой злостью спросил капитан у Лумиса, когда того поставили рядом.

— Да.

Далуф ударил Лумиса тыльной стороной правой ладони, затянутой в плотную длинную кожаную перчатку. Голова Лумиса, как тряпичная, отлетела назад и влево, и всё его тело последовало бы туда же, если бы два святых брата не держали его за руки. Лумис вернул голову в нормальное положение. Из разбитой верхней губы текла кровь, пачкая подбородок и дальше капая на его бесформенный балахон.

— Ты солгал мне, мразь! У неё нет «инфины». Она адонайка.

Далуф отвернулся от него.

— Ты знаешь его? — спросил он, обращаясь к Аяре.

— Впервые вижу.

— Как странно, а он утверждает, что отлично тебя знает. И твоего сына. И твоего мужа. — Капитан Далуф сделал короткую паузу и закончил: — Риана Боргеса.

Аяра чувствовала, как сын крепче прижимается к ее ноге, напуганный происходящим. Но она, к собственному ужасу, не находила в себе ничего: ни сил, чтобы сражаться, ни страха перед собственной смертью, ни даже переживания за участь, которая ждала её сына. Гнусное предательство этого человека опустошило её. Но она не презирала его. Она просто не понимала.

— Я не знаю его. И меня мало интересует, что он говорит. Если это всё, я хотела бы вернуться с сыном в наш номер.

Далуф медлил. Затем молча махнул ладонью, показывая женщине, что она может идти.

Аяра, не веря, что всё закончилось хорошо, развернулась на ватных ногах и, крепко сжимая руку сына, направилась к лестнице. Гвардейцы расступились, давая им пройти.

Капитан кивнул на Лумиса и коротко приказал:

— Этого вывести на улицу и прикончить.

Услышав это, Аяра затаила дыхание. Она ждала, что молодой манной сейчас закричит: «Это она! Она! Я говорю правду, это жена Риана Боргеса!» Но крика не было.

Лумис наблюдал, как тяжелые капли его крови медленно падают на пол. Тупая пульсирующая боль где-то над переносицей не давала сосредоточиться. Теперь он почти хотел умереть. Не из-за боли, а потому что всё вдруг предстало перед ним в своей убогой бессмысленности. И его миссия, смерть проклятого Вамиры Онши в том числе. Всё стало казаться чем-то ничтожным, неважным. Никакого освобождения это не принесёт. Всё равно ведь останутся такие, как этот капитан, как те «желтоголовые» на Звездной улице. Он подумал о своих братьях и сестрах, «людях тени», — всё было неправильно.

Но когда гвардейцы дернули его, отвернув от капитана, чтобы увести к двери, он насмешливым и спокойным голосом громко произнес:

— Какой же ты всё-таки тупой! Далуф Эдгер. Ей-богу, туп как пробка. Всего лишь глупая обезьяна, которую жрецы заставили скакать по улице с железной палкой и набрасываться на людей.

В зале повисла обескураживающая тишина.

Оба гвардейца, державшие Лумиса, не сговариваясь, замерли и растерянно посмотрели на своего командира.

Но тот не пришел в ярость и, напротив, глядел на пленника с интересом. Капитан не раз в своей жизни видел бесстрашие обреченных, но здесь, насмешка этого убогого манная показалась ему особенно искренней и глубокой, как будто этот человек был действительно уверен, что ему ничего не грозит. Он молча сделал знак святым братьям повернуть пленника лицом к нему.

Лумис с едва уловимой усмешкой на окровавленных губах смотрел в глубоко посаженные глаза Далуфа.

— Ну что смотришь, храмовник? Чем-то недоволен? Ну так знай, что бог Ра тоже недоволен тобой. Самое ценное, что бог, хоть Ра, хоть Манн, дали людям, — это разум. И твой бог, храмовник, явно расстроен тем, что ты вышвырнул его дар в выгребную яму и все свои сорок лет так и скачешь по земле безмозглой обезьяной. Клянусь добрым Манном, жрецам для дела травли и охоты на людей следовало подыскать кого-то более сообразительного. — Лумис сплюнул на пол комок кровавой слизи.

— Что именно ты хочешь сказать мне, манной? — спросил Далуф, удивившим всех окружающих, спокойным тоном.

— Только то, что эта женщина — такой же человек Манна, как и я. И для этого не надо осматривать её шею. Даже без «инфины» здесь всё очевидно. В её волосах нефритовая шпилька с полумесяцем на конце. Разве вы не знаете, храмовник, что и то, и другое относится к Солки? Его когти и кончик хвоста — нефритовые, а Месяц — место, где он отдыхает каждую девятую ночь. В её волосах одна голубая прядь — голубой шрам украшает Солки, место, где его плоть рассек ледяной кнут великана Аркуна. Её пояс с раздвоенным концом и тремя темными точками есть язык Алмазного Дракона — как известно, три раза его пытались отравить черные демоны юга. Семь складок её юбки есть семь крыльев Солки. На поясе на цепочке у неё золотая стрела — это символ летящего дракона. На пряжке ремня её сына рисунок в виде вертикального овала в большом горизонтальном — глаз дракона, о котором знают даже малые дети. Ну и последнее, храмовник: неужели ты настолько не знаешь женщин, что никогда не слышал о гриме и пудре, и не в силах вообразить, как может исчезнуть знак Алмазного Дракона с женской шеи?

Во время этой речи Аяра стояла, без движения, положив руку на плечо сына и прижав к себе. Она и, конечно же, сам Лумис знали, что всё сказанное им — ложь. Он выводил их из дома, помогал им в пути, и у него было время рассмотреть и её, и Саотре. И теперь каждая названная им деталь действительно присутствовала, за исключением того, что это не имело никакого отношения к Алмазному Дракону и религии маннаев. Никакого.

Капитан Далуф повернулся и сказал Аяре:

— Вернись сюда.

Она подошла к нему.

Капитан пробежал глазами по нефритовой шпильке, голубой пряди волос, красному поясу, украшению с золотой стрелой, складкам на юбке. После чего наклонился и оглядел пряжку на ремне Саотре.

Выпрямившись, Далуф приказал женщине:

— Повернись спиной.

Аяра повиновалась.

Далуф выпустил себе на пальцы в черной перчатке комок слюны, с силой потер нежную кожу на женской шее и увидел проступившую темную татуировку лежащей на боку восьмерки.

— Повернись.

Аяра встала к нему лицом к лицу.

— Твоё имя?

— Кайна Ливур.

Он резко и хлестко, ударил её открытой ладонью по голове.

— Твоё имя, тварь! Жиль, возьми её выродка.

— Нет! — Аяра со звенящей головой попыталась не отдать Саотре, но рослый гвардеец легко вырвал у неё ребёнка, а двое других по знаку капитана схватили её за руки. — Не трогайте его! — У Аяры покатились слезы из глаз, когда она увидела мальчика в медвежьем захвате огромного мужчины. Саотре не издал ни звука и только глядел на неё большими зелеными глазами.

Далуф ударил её ладонью в лоб, заставляя смотреть на себя.

— Имя своё скажи!

— Я сказала тебе своё имя! Что тебе еще надо?

— Ты не гавкай на меня, маннайская сука! Ты гребанная нелюдь, которая поджаривает живьем адонайских младенцев и пожирает их. Ты совокупляешься с ящерами на могилах адонаев и пляшешь на костях праведников. Ты мажешь своими испражнениями наши храмы, чтобы Ра отвернулся от нас. Ты готовишь жуткие зелья из гноя и струпьев и продаешь их беременным адонайкам, чтобы у них случился выкидыш. За всё это я вправе делать с тобой всё, что угодно, и мой бог, мой король и весь добрый народ Рунады будут радоваться этому. Твоё имя?

Аяра дрожала в руках двух мужчин, у неё скручивало живот от страха, слабели ноги, и в глазах двоилось от слез. Но к ужасу за себя и ребенка примешивалось ещё и отчетливое презрение ко всем этим людям, и это презрение давало ей силы.

— Ты просто больной урод, — проговорила она.

— Тебе сейчас вставят между ног разбитую бутылку и будут елозить туда-сюда, пока я не услышу имя.

— Ради господ бога, капитан. Что вы такое говорите?! — воскликнул Найбер. — Вы же офицер Святой гвардии Гелиокона. К-как вы можете произносить подобное? Даже если эта женщина маннайка, она все равно рунадка, подданная нашего короля и имеет право на справедливый суд, как и все.

Далуф с легким удивлением, словно только что заговорила табуретка, покосился на хозяина гостиницы. Потом раздраженно махнул рукой, и два гвардейца тут же схватили Найбера за

плечи и поволокли прочь. Они бросили его на пол возле стены и принялись увлеченно пинать. Найбер, издавая стоны и причитания, свернулся в шар, закрыв голову руками.

— Твоё имя?

Аяра молчала. Она отвлеченно подумала о том, что не пустила Саотре с отцом, потому что мальчик два раза подряд проявил непослушание. Первое: снова ходил с приятелями лазать по Чертолому - огромному, растянувшемуся на полмили вдоль кромки моря беспорядочному завалу огромных камней, где дети постоянно ломали себе то руки, то ноги, а иногда разбивали и головы. Она строго-настрого запретила Саотре соваться туда, но он всё равно ушел. Это выяснилось вечером, когда оттуда принесли мальчика, друга Саотре, с вывернутой ступней и поломанными ребрами. Родители начали разбираться и узнали, что шестеро мальчишек, в том числе и Саотре, и две девчонки устроили там игру в пятнашки. Второе: Саотре должен был выучить два новых девятистрочных отрывка из «Книги Пути и Благодати», чтобы порадовать декламацией оных своего деда Талвина, отца Аяры, который весьма почитал древнюю книгу маннаев и желал видеть, что юное поколение не забывает о ней. Саотре вместо этого убежал на рыбный рынок, чтобы поглазеть на удачливый улов старого рыбака Ешу, в котором было множество удивительных подводных созданий, и не выучил ни одной строфы. Да к тому же от него жутко воняло рыбой. И Аяра решила примерно наказать сына, запретив ему сопровождать отца в долгожданном плавании в Галсонию. Тогда ей казалось это невероятно важным — проявить твердость характера и показать сыну, что в жизни нужно подчиняться правилам. И самой себе она казалась мудрой 28-летней женщиной, которая знает жизнь и знает, как и чему учить детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.